
Коммунистическая партия Советского Союза
ПРАВДА
Суббота, 10 марта 1962 года
№ 69 (15925)
БУДЕТ ПРЕТВОРЕНО В ЖИЗНЬ!
ПРАВДА
„ПРАВДА"
РАБОЧАЯ ПРАВДА
СѢВЕРНАЯ ПРАВДА
ПРАВДА ТРУДА
ПРАВДА
ПРАВДА
ПРОГРАММА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ОГОНЁК
50-ЛЕТИЕ «ПРАВДЫ» – ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ В ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО НАРОДА, В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
Из постановления ЦК КПСС о 50-летии газеты «Правда»

Плакат Д. Моора. 1920 год.

Плакат Б. Березовского. 1961 год.

ШАГИ ИСТОРИИ

ПЛАКАТЫ «ПРАВДЫ»

Рисунок В. Корецкого. 1942 год.

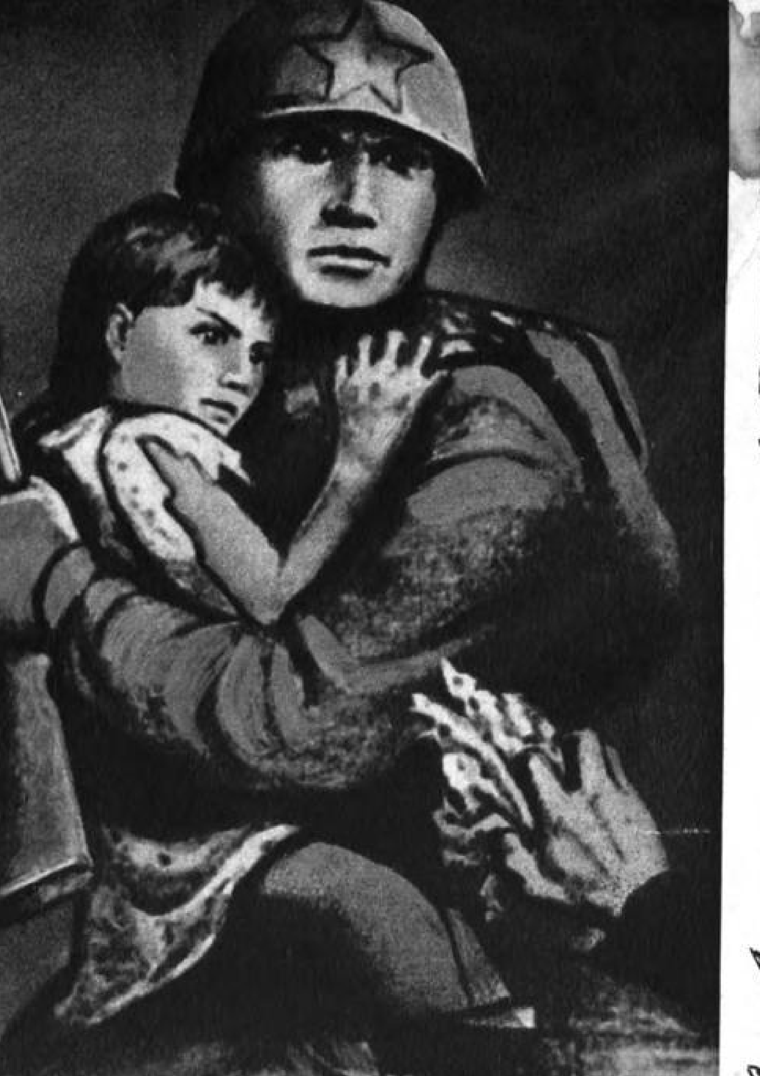

Рисунок В. Брискина. 1961 год.

СВЕТОМ ПОЛНИТСЯ ДУША

Терень МАСЕНКО

Я в Киеве поднялся утром рано
И на страницу «Правды» посмотрел.
«Цветет урюк в садах Ахангарана...» —
В краю, где я когда-то жил и пел.

Звучат стихами подписи под фото,
Звенит вокруг весны гремящий хор.
Мы славим хлебороба и пилота
В твоем цветенье, солнечный простор.

Пилот — связной родной для всех газеты!
У нас давно любой в почете труд.
Корреспонденты пишут, как поэты,
Искусством стал простой фотоэтюд.

По Украине радужно, багряно
Идет весна, стройна и хороша.
Цветет урюк в садах Ахангарана —
И светом полнится моя душа.

И не устану я любить вовеки
Страну свою в сиянье новых дней,
Узбекистана и сады и реки
И шум дубрав Полтавщины моей.

Отцвел урюк. Цветут черешни наши,
И снова в «Правде» веточка снята!
И славит сердце ширь весенних пашен
Сквозь поколенья, мовы и лета.

Авторизованный перевод
с украинского
Михаила ЛАРИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1820)

6 МАЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРВОМАЙСКИЙ РЕПОРТАЖ

Москва

Простите спешку донесений:
У многих тысяч на виду
Впервые репортаж весенний
Я с Красной площади веду.

Крепка Отчизны оборона,
И залпы празднично гремят.
Великой партии знамена
Над славным шествием шумят.

Идут сверхмощные ракеты,
И серебрятся их тела.
Прошли. И вмиг весенним цветом,
Сиренью площадь зацвела.

Гляжу с восторженностью детской:
Родная двинулась земля
Лавиной с площади Советской,
С проспекта Маркса вдоль Кремля.

Неся портреты дорогие,
Идет рабочая Москва.
И рвутся ввысь шары цветные,
На них священные слова.

Бегут ребята к Мавзолею,
Несут цветы, во всех концах —
Улыбки, смех... Бессмертный Ленин —
И на знаменах и в сердцах!

Константин МУРЗИДИ

Ленинград

Вдруг вышло небо бирюзовым
И, как всегда, из года в год,—
Встает на площади Дворцовой,
Проходит площадью Дворцовой
Его величество народ!

И видим мы сверканье славы
Уже вступающих в парад:
В знаменах Нарвскую заставу,
В знаменах Невскую заставу,
В крутых колоннах Ленинград.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Киев

Улицы вьюжатся юбками пестрыми,
Ходят мальчишки
С флажками,
Со звездами.
Ходит Крещатик —
Руки в бока,
Весь прогибается
От гопака.
Каштаны — в цвету.
Бульвары — зеленые.
Праздничный Киев
Идет со знаменами.
Над Украиной, над Украиной
Синее небо
И май голубиный.

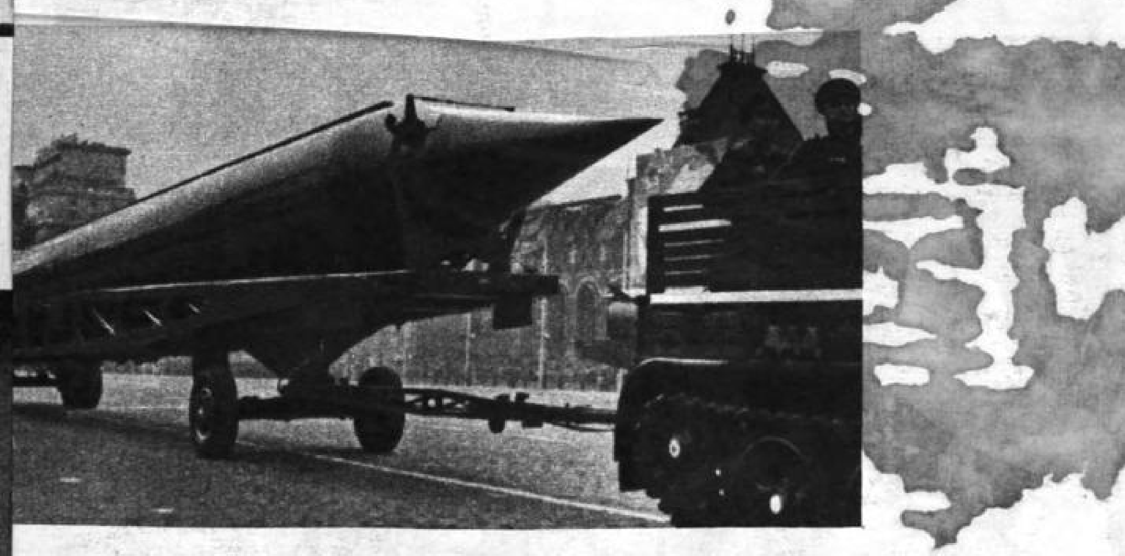
А. ГОВОРОВ, А. КОЧЕТОВ

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

Москва. Красная площадь.

1 МАЯ 1962 ГОДА. КРА

Фоторепортаж с Красной площади вели Дм. Бальтерманц, Л. Бородулин, А. Бочинин, А. Гостев, Ю. Кривоносов, Я. Рюмкин, М. Савин.

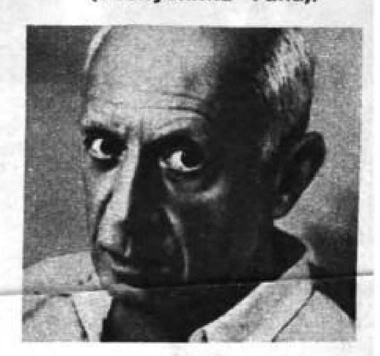

СНАЯ ПЛОЩАДЬ.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОД
ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМ
«ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИ
МЕЖДУ НАРОДАМ
ЗА 1961 ГО

Кваме Нкрума — государственный деятель (Республика Гана).

Пабло Пикассо — художник, общественный деятель (Франция).

Иштван Доби — государственный деятель (Венгерская Народная Республика).

Фаиз Ахмад Фаиз—поэт, общественный деятель (Пакистан).

Ольга Поблете де Эспиноза — общественная деятельница (Чили).

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Л. И. БРЕЖНЕВ. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Н. ОРГАНОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Д. С. КОРОТЧЕНКО. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. КОЗЛОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

И. ШАРИПОВ. аместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Г. С. ДЗОЦЕНИДЗЕ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. А. ИСКЕНДЕРОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Ю. И. ПАЛЕЦКИС. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

И. С. КОДИЦА. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Я. Э. КАЛНБЕРЗИН Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. РАХМАТОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Ш. М. АРУШАНЯН. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. БАЙРАМОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. А. МЮРИСЕП. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. П. ГЕОРГАДЗЕ. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

Г. Г. АБРАМОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

С. М. БУДЕННЫЙ. лен Президиума Верховного Совета СССР.

К. Е. ВОРОШИЛОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Р. Г. ГАМЗАТОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. Н. ДЕМИЧЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. М. КАВУН. Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. Г. КАРТАВЫХ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. А. КУНАЕВ. лен Президиума Верховного Совета СССР.

К. Т. МАЗУРОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

З. Н. НУРИЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. В. ПОДГОРНЫЙ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. П. СМИРНОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. А. ТАБЕЕВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Я. С. НАСРИДДИНОВА. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. КУЛАТОВ. Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. АХУНОВА. Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. Р. КОЗЛОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. С. ТОЛСТИКОВ. Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

И. В. СПИРИДОНОВ. Председатель Совета Союза.

М. А. СТЕЛЬМАХ. Заместитель Председателя Совета Союза.

К. И. САТПАЕВ. Заместитель Председателя Совета Союза.

Ш. М. ГАСАНОВА. Заместитель Председателя Совета Союза.

М. А. АБДУРАЗАКО[...] Заместитель Председателя Сове[...] Союза.

Я. В. ПЕЙВЕ. Председатель Совета Национальностей.

И. А. КАИРОВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

А. Е. КОРНЕЙЧУК. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Ф. А. СУРГАНОВ. Заместитель Председателя Совета Национальностей.

С. БЕГМАТОВА. Заместитель Председателя Совет[...] Национальностей.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР — СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Н. С. ХРУЩЕВ. Председатель Совета Министров Союза ССР.

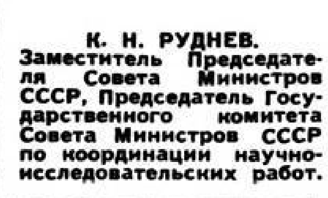
А. Н. КОСЫГИН. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

А. И. МИКОЯН. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

А. Ф. ЗАСЯДЬКО. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР.

Н. Г. ИГНАТОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного комитета заготовок Совета Министров СССР.

В. Н. НОВИКОВ. Заместитель Председ[...] ля Совета Министр[...] СССР, Председатель [...] плана СССР.

К. Н. РУДНЕВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ.

Д. Ф. УСТИНОВ. Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

М. А. ЛЕСЕЧКО. Председатель Комиссии Президиума Совета Министров СССР по внешнеэкономическим вопросам — Министр СССР.

Н. С. ПАТОЛИЧЕВ. Министр внешней торговли СССР.

В. Г. БАКАЕВ. Министр морского фл[...] СССР.

Б. П. БЕЩЕВ.
инистр путей сообщения СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ.
Министр среднего машиностроения СССР.

И. Т. НОВИКОВ.
Министр строительства электростанций СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ.
Министр транспортного строительства СССР.

В. П. ЕЛЮТИН.
Министр высшего и среднего специального образования СССР.

А. В. СИДОРЕНКО.
Министр геологии и охраны недр СССР.

В. Ф. ГАРБУЗОВ.
инистр финансов СССР.

Г. В. ЕНЮТИН.
Председатель Комиссии государственного контроля Совета Министров СССР.

А. П. ВОЛКОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

Г. И. ЗЕЛЕНКО.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально - техническому образованию.

М. А. ХАРЛАМОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению.

А. И. КОСТОУСОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по автоматизации и машиностроению — Министр СССР.

В. Е. БОЙКО.
едседатель Государственного комитета Совета инистров СССР по чер- й и цветной металлургии — Министр СССР.

Н. В. МЕЛЬНИКОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по топливной промышленности — Министр СССР.

Г. М. ОРЛОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству — Министр СССР.

А. М. ПЕТРОСЬЯНЦ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по использованию атомной энергии.

И. А. ГРИШМАНОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства.

С. А. СКАЧКОВ.
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

Н. И. СТРОКИН.
меститель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

А. А. ИШКОВ.
Начальник Главного управления рыбного хозяйства при Госплане СССР — Министр СССР.

Л. Р. КОРНИЕЦ.
Первый заместитель Председателя Государственного комитета заготовок Совета Министров СССР — Министр СССР.

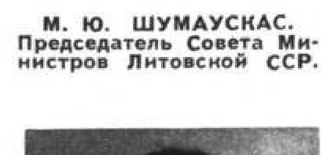
А. А. ГОРЕГЛЯД.
Первый заместитель Председателя Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР — Министр СССР.

Н. А. ТИХОНОВ.
Заместитель Председателя Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР — Министр СССР.

А. К. КОРТУНОВ.
Начальник Главного управления газовой промышленности при Совете Министров СССР — Министр СССР.

Р. КУРБАНОВ.
едседатель Совета Министров Узбекской ССР.

С. ДАУЛЕНОВ.
Председатель Совета Министров Казахской ССР.

Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ.
Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

Э. Н. АЛИХАНОВ.
Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

М. Ю. ШУМАУСКАС.
Председатель Совета Министров Литовской ССР.

А. Ф. ДИОРДИЦА.
Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

С. В. КУРАШОВ. Министр здравоохранения СССР.

А. А. ГРОМЫКО. Министр иностранных дел СССР.

Е. А. ФУРЦЕВА. Министр культуры СССР.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ. Министр обороны СССР.

Н. Д. ПСУРЦЕВ. Министр связи СССР.

К. Г. ПЫСИН. Министр сельскогс зяйства СССР.

П. В. ДЕМЕНТЬЕВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по авиационной технике — Министр СССР.

Л. В. СМИРНОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике — Министр СССР.

В. Д. КАЛМЫКОВ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике — Министр СССР.

А. И. ШОКИН. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по электронной технике — Министр СССР.

Б. Е. БУТОМА. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по судостроению — Министр СССР.

В. С. ФЕДОРОЕ Председатель Госу венного комитета С Министров СССР п мии.

С. К. РОМАНОВСКИЙ. Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами.

В. Е. СЕМИЧАСТНЫЙ. Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

П. С. КУЧУМОВ. Председатель Всесоюзного объединения Совета Министров СССР «Союзсельхозтехника».

В. Э. ДЫМШИЦ. Первый заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

В. М. РЯБИКОВ. Первый заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

В. П. ЗОТОВ. Заместитель Предсе ля Госплана СССР — нистр СССР.

Г. А. КАРАВАЕВ. Председатель правления Всесоюзного банка финансирования капитальных вложений — Министр СССР.

А. К. КОРОВУШКИН. Председатель правления Государственного банка СССР.

В. Н. СТАРОВСКИЙ. Начальник Центрального статистического управления при Совете Министров СССР.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ. Председатель Совета Министров РСФСР.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ. Председатель Совета Министров Украинской ССР.

Т. Я. КИСЕЛЕВ. Председатель Совета нистров Белору ССР.

В. П. РУБЕН. Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

Б. МАМБЕТОВ. Председатель Совета Министров Киргизской ССР.

А. КАХАРОВ. Председатель Совета Министров Таджикской ССР.

А. Е. КОЧИНЯН. Председатель Совета Министров Армянской ССР.

А. А. АННАЛИЕВ. Председатель Совета Министров Туркменской ССР.

В. И. КЛАУСОН Председатель Совета нистров Эстонской

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ ЗАМЕТКИ

М. АМШИНСКИЙ

В 1923 году, после демобилизации из Красной Армии, я начал работать на Ликинской мануфактуре в Орехово-Зуевском районе, под Москвой. Предприятие не маленькое! На нем трудилось более четырех тысяч рабочих.

Ежедневно читая «Правду», я видел, что ее страницы заполняют не только профессиональные журналисты. Пишут рабочие, служащие, крестьяне. Вот и мне захотелось написать в дискуссионный листок «Правды», выходивший накануне XII съезда партии, вскоре после появления статьи В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Я написал небольшую заметку с некоторыми предложениями о реорганизации госконтроля в рабоче-крестьянскую инспекцию.

Откровенно говоря, я и не мечтал о том, что моя заметка будет напечатана в «Правде». В лучшем случае, думал я, мои предложения пригодятся как материал для статьи. Каково же было мое изумление, восторг и волнение, когда спустя несколько дней я увидел свою заметку в «Правде» под рубрикой «Из статей, поступивших в дискуссионный листок»! Было это 5 апреля 1923 года.

После этого я с еще большим вниманием стал следить за рабкоровскими заметками в «Правде». Рабкоры писали о кооперации, о быте, о шефстве над деревней, о разных производственных неполадках. Сопоставляя содержание этих заметок со всем тем, что происходило у нас в Ликине, я хотел писать и о нашей фабрике.

В то время многим рабкорам жилось нелегко. В стране шла ожесточенная классовая борьба, и порой было небезопасно написать в газету заметку, разоблачающую кулака, притаившегося врага. В 1922 году был убит рабкор Спиридонов. В годовщину его смерти, 14 апреля 1923 года, в «Правде» Мария Ильинична Ульянова написала статью, требуя положить конец преследованию рабкоров и ввести закон, сурово карающий каждого, кто посягнет на свободу печати.

...Весной 1923 года английский министр иностранных дел Керзон предъявил ультиматум молодой Советской республике. Он угрожал возобновить интервенцию. В ответ на этот ультиматум советские люди решили создать мощный воздушный флот. Было организовано Общество друзей воздушного флота. На предприятиях появились ячейки этого общества. Я тоже решил откликнуться на ультиматум Керзона и взялся организовать такую ячейку на фабрике. Поехал в Москву и договорился в управлении воздушного флота, чтобы в Ликино прилетел военный самолет. По тем временам это было большое событие. Для большинства наших рабочих самолет был в диковинку. А тут приехали к нам два летчика, выбрали место для посадки и, проинструктировав нас, как и где выложить опознавательные знаки, обещали прилететь в ближайшее воскресенье. Всю неделю только и разговоров было, что об этом самолете.

Наступило воскресенье. С утра на летное поле пришли рабочие с семьями, крестьяне из ближайших деревень. Погода выдалась отличная. Во втором часу вдали послышался шум мотора. Все подняли головы и стали искать самолет в небе. Через несколько минут он сделал несколько кругов над фабрикой и под громовое «ура» приземлился. Мы дружно приветствовали летчиков и тут же, на поле, провели митинг. Авиаторы показали рабочим самолет, рассказали, какие на нем установлены приборы, и рабочие единогласно постановили: отчислить однодневный заработок на строительство воздушного флота.

Вот об этом событии я и написал заметку в «Правду».

С трепетом я ежедневно искал свою заметку в газете. Но прошло пять дней, а она так и не появлялась. И вдруг в помещение, где я работал, входит незнакомый человек и спрашивает меня.

— Я из «Правды». Ты написал заметку о деньгах, собранных рабочими на постройку самолета. Она сегодня напечатана. Фамилия моя Жига, я организатор рабкоров.

Я был потрясен таким вниманием редакции, которая нашла возможным послать своего сотрудника к человеку, написавшему небольшую заметку.

Иван Федорович Жига долго беседовал со мной, расспрашивал о фабрике, о ее людях, говорил, о чем и как писать. Рассказал об огромном внимании, которое уделяет рабкорам секретарь «Правды» Мария Ильинична Ульянова.

— Она,— говорил Жига,— организатор рабкоровского движения в стране. Ты, вероятно, читал о том, что мы открыли клуб рабкоров? Вот и постарайся в одну из пятниц приехать к нам в клуб.

В День печати, 5 мая 1923 года, в Москве, в Брюсовском переулке, в доме № 2, открылся клуб рабкоров «Правды». По пятницам здесь собирались рабкоры, разбирали свои заметки, обсуждали темы будущих выступлений. На эти собрания часто приходили М. И. Ульянова, члены редколлегии и сотрудники «Правды». Бывали там Демьян Бедный, А. Серафимович, П. Керженцев, В. Сарабьянов, А. Попов-Дубовский, М. Кольцов и другие журналисты, писатели, общественные деятели. Они беседовали с рабкорами, советовали внимательно присматриваться к жизни на предприятиях, откликаться на события дня.

В пятницу вечером я пришел в Брюсовский переулок. Клуб помещался в полуподвальном этаже, в обычной квартире. Посреди большой комнаты стоял длинный стол, за которым уже сидели рабкоры и о чем-то горячо спорили. Увидев Жигу, я подошел к нему.

— А, приехал! Вот и отлично! И, обратившись к товарищам, сидевшим за столом, представил меня, новичка. Вскоре пришел секретарь редколлегии старый большевик А. С. Попов-Дубовский. Рабкоры стали читать свои заметки. Потом Попов-Дубовский говорил о ближайших задачах рабкоров.

Уходил я из клуба, полный всяких замыслов, твердо решив: в этом клубе можно многому научиться. Но как быть: на дорогу из Ликина в Москву нужен почти целый рабочий день... Я посоветовался с председателем фабкома, и он порекомендовал мне пойти на реутовскую фабрику: от нее до Москвы всего лишь 12 километров.

Теперь я не пропускал ни одного собрания рабкоров «Правды». Это был замечательный университет для нас, людей, впервые в жизни взявшихся за перо.

Часто к нам в клуб приходила М. И. Ульянова, скромная, простая, с чудесными темными, добрыми глазами.

Однажды М. И. Ульянова спросила меня, как идут дела на фабрике. Я сказал, что у нас фабком противопоставляет себя директору. Между фабкомом и заводоуправлением нет делового контакта. Фабком не поддерживает директора в его хороших начинаниях. А директор — энергичный, инициативный человек, но не специалист, а рабочий. В фабкоме же косные, отсталые люди, которые не любят критики, не любят, когда сор из избы выносят. Кстати, заметил я, в фабкоме весьма недружелюбно относятся к нашему брату — рабкорам.

— А вы напишите об этом,— предложила Мария Ильинична,— поддержите директора. Поставьте вопрос о необходимости установить нормальные взаимоотношения между фабкомом и заводоуправлением. Пишите смело. А если попытаются вам что-нибудь сделать, «Правда» сумеет защитить вас.

Рабкоровское движение с помощью «Правды» бурно разрасталось во всей стране. Но не было еще единого руководства. Кое-где партийные и профсоюзные работники хотели, чтобы рабкоры, прежде чем послать в газету корреспонденцию, показывали ее секретарю ячейки или председателю завкома. Некоторые редакторы местных газет требовали от рабкоров заметок, завизированных директорами или руководителями заводских организаций. Да и далеко не все рабкоры имели ясное представление о своих задачах, правах, обязанностях.

Все это требовало широкого обсуждения. И вот 16 сентября 1923 года было созвано первое совещание рабкоров Москвы, Петрограда и других промышленных центров страны. Совещание открыла Мария Ильинична. Она отметила, что этот день знаменателен для всей советской печати. В первый раз в истории рабочей печати созвано такое собрание — собрание представителей новой армии журналистов — рабочих корреспондентов.

— Рабкоры,— говорила Мария Ильинична,— являются связующим звеном между рабочими массами и нашей печатью, выразителями интересов рабочих, их настроений и переживаний. Этому делу надо уделить самое серьезное внимание, ибо рабкорам, несомненно, принадлежит громадное будущее. Благодаря деятельности рабкоров газеты стали более живыми и интересными, приблизились к массам, повысились их тиражи. Старая «Правда» на две трети состояла из рабочих корреспонденций. Рабкоровское движение продолжает традиции дореволюционной «Правды».

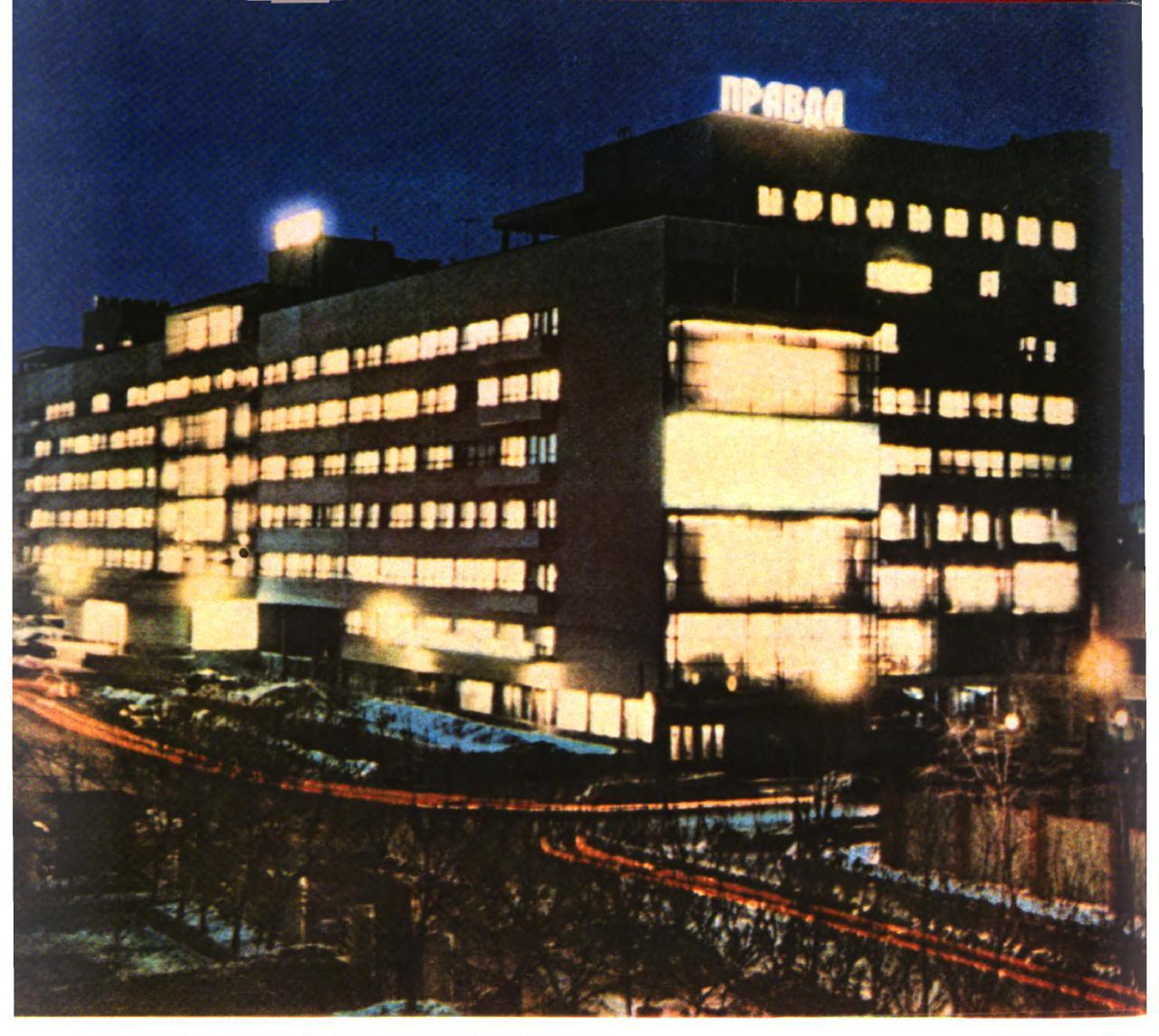
На совещании шел разговор и о том, каким должен быть вновь создаваемый журнал «Рабочий корреспондент».

...Прошло тридцать девять лет с той поры, когда я написал первую рабкоровскую заметку в «Правду». Работая во многих газетах и журналах, я никогда не забывал, чему учила нас «Правда». Ей, «Правде», мы, выдвинутые из рабкоров журналисты, обязаны всем лучшим, что у нас есть.

Один из миллионов читателей газеты «Правда», старейший московский шофер Семен Яковлевич Сафонов.

Фото Я. РЮМКИНА.

КОММУНИЗМ
ПРАВДА

Всю ночь ярко светятся окна большого здания редакции газеты «Правда».

Фото Я. Рюмкина.

ПУТЬ К СЕРДЦАМ

Трудно представить утро советского человека без свежего номера «Правды». Родная всем советским людям газета, основанная Лениным, несет на своих страницах свет ленинской мысли. Она центральный орган великой Коммунистической партии Советского Союза. Авторитет газеты так же велик, как велик авторитет партии. Устами «Правды» партия ежедневно разговаривает с миллионами людей. Тысячи писем, ежедневно поступающих со всех концов необъятной страны в редакцию «Правды»,— ответный голос народа. Свои надежды, чаяния, запросы, предложения, требования люди несут в редакцию, зная, что они обращаются к партии, к ее разуму и справедливости.

Поэтому 50-летие «Правды» — это не только праздник советской печати. Это праздник всего советского народа, который любит и уважает свою «Правду», ибо видит в ней борца за партийную честность, за высокую принципиальность и идейность.

* * *

В старые времена на том месте, где теперь высится комбинат «Правды», кривились улочки и переулки так называемого Ямского поля. Одноэтажные домишки кисло посматривали друг на друга. Считалось это поле захолустьем Москвы, само его название уводило в давние, глухие времена, когда проживали тут лихие ямщики, возившие на своих тройках под звон валдайских колокольцев государеву почту, важных господ и разный служивый люд из Москвы в Санкт-Петербург — вельможную и чиновную столицу империи.

Когда здесь вырос гигантский комбинат «Правды», вместивший в свои пределы редакции самой «Правды», ее дочерних газет и журналов, издательство и типографию, все изменилось в этой старенькой слободе. Огни комбината загорелись ярким символом вторгшихся в жизнь огромных перемен, рожденных революцией. И уже улица стала называться по-новому — именем «Правды», и старые домишки как ветром сдуло, вместо них выросли большие, красивые многоэтажные дома.

Жизнь комбината «Правды» подобна работе сердца: все время слышишь его биение. И если постепенно гаснут огни в редакциях, то тем интенсивней разгорается жизнь в производственных цехах — в наборном, в стереотипном, в печатном, в экспедициях,—пока наконец свежие, пахнущие краской номера газет не отправятся в свое путешествие — в киоски, квартиры подписчиков, на уличные витрины, на фабрики и заводы, в колхозы и совхозы, во все концы нашей Родины — к сердцам миллионов людей!

«Правду» всюду встречают с великим нетерпением. Огромная страна не может ждать, когда газету привезут из Москвы. Как только номер «Правды» сделан, немедленно изготовляются матрицы, с которых отливаются стереотипы. Матрицы везут на самых быстрокрылых самолетах в разные города необъятного нашего Союза. Еще шумят ротационные машины комбината в Москве, печатающие газету, а к ним уже подключились ротации Ленинграда, Киева, Харькова, Ростова, а потом и Свердловска, Новосибирска, Хабаровска: советские люди, где бы они ни жили, хотят непременно читать свежий, сегодняшний номер «Правды»: без «Правды» трудно прожить день.

Едва пробился утренний свет, еще не кончилась работа ночных смен, а уже жизнь закипает снова: везут и несут почту в «Правду», идут люди в «Правду» — двери редакции самой большой газеты страны широко раскрыты.

Работа журналистов всегда тревожна и волнительна. Беспокойная профессия! Тяжелая профессия! Прекрасная профессия! Люди, любящие покой, тихую пристань медлительных размышлений, не могут быть журналистами, даже если и обладают хорошим пером. Всегда быть в гуще происходящих событий и на уровне событий, всегда быть в состоянии мобилизационной готовности: если надо, немедленно ехать туда, куда нужно редакции; если надо, немедленно браться за перо; если надо — за книгу, за материалы самого разного свойства. Журналист не принадлежит себе, он принадлежит делу, которому вдохновенно и истово служит. Давно уже кануло в вечность то время, когда писатель пописывал, а читатель почитывал. Советский журналист всеми своими нервами, всей кровью связан с народом, за его работой следят

Тысячи писем ежедневно поступают в «Правду».

Ник. КРУЖКОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

МИЛЛИОНОВ

Заседание редакционной коллегии ведет главный редактор «Правды» Павел Алексеевич Сатюков.

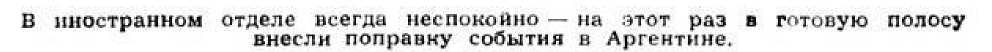
миллионы глаз, ему не простится ни одной ошибки, ни одна его удача не останется незамеченной. Для того, чтобы хорошо писать, нужно зорко видеть и остро чувствовать, нужно, наконец, просто очень многое знать. В каждом деле есть художники и ремесленники, есть они и в журналистской профессии, но ремесленничества, холодного привычного навыка журналистика не терпит: она и во всех обстоятельствах требует отдачи всех душевных сил. Один известный советский журналист, которому сейчас уже за восемьдесят лет, говорил мне, что день, когда он не пишет, не работает, для него тягостен и невыносим — все старческие недуги проступают наружу. Зато, работая, он молодеет, три десятка лет спадают с плеч.

Но ведь советский журналист не только сам пишет, он и организует работу рейдовых бригад, правит рукописи, письма, заметки рабкоров и читателей, он, как и его газета или журнал,— агитатор, пропагандист, организатор.

Какая же это великолепная школа жизни и знаний! Какая великая школа — работа в «Правде», в главной газете нашей партии и нашей страны!

В годы пятилеток, когда создавалась индустриальная мощь социалистической державы, правдисты были всюду на самом переднем крае: на строительстве магнитогорского гиганта, в Донбассе и в Кузбассе, в Комсомольске-на-Амуре и на Днепрогэсе, среди лесорубов Карелии и рудокопов Криворожья. В годы Великой Отечественной войны корреспонденты «Правды», находясь на фронтах, несли все тяготы

— Карикатура, кажется, понравилась! Старые правдисты, художники Кукрыниксы, остро откликнулись на злобу дня.

В иностранном отделе всегда неспокойно — на этот раз в готовую полосу внесли поправку события в Аргентине.

боевой страды, помогая своим пером делу победы, прославляя героев великих битв. После победоносной войны «Правда» звала на подвиги созидания, и ее голос звучал мощным колоколом, будившим чувства миллионов людей. Советский народ залечивал раны, нанесенные войной, создавал новые города, новые заводы и фабрики, напрягал все свои силы для того, чтобы вырваться вперед, построить жизнь светлую и прекрасную, и в этой борьбе «Правда» играла роль глашатая партии, возвестителя ее решений, непоколебимого борца за дело коммунизма.

Когда говорит «Правда», слышит весь мир. Содрогаются при звуке ее голоса империалистические хищники, колонизаторы, капиталисты и угнетатели, их пособники и приказчики, их лакеи и прихвостни. Радуются добрые люди земли — те, кому дорога истинная свобода, кто не терпит зла и насилия, кто любит правду, кто ненавидит власть чистогана и наживы, кто ценит прогресс, кому дорога жизнь человека, кто за мир, против войны.

Друзей у «Правды» миллионы, и в этом ее сила.

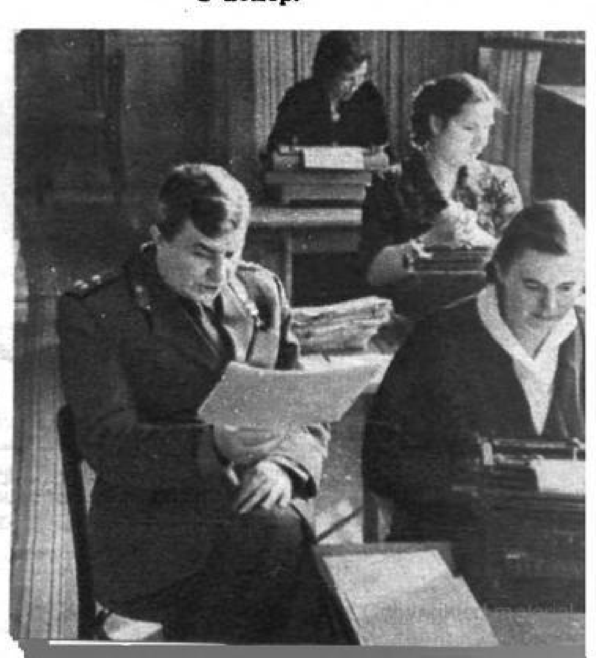
Свет исторических животворных решений XX, XXI и XXII съездов КПСС несла и несет «Правда» со своих страниц. Ленинские традиции живут и вечно будут жить в «Правде», ибо сам великий Ленин стоял у ее колыбели. Программа строительства коммунизма, принятая XXII съездом КПСС,— основа всей агитационной, пропагандистской и организаторской работы «Правды».

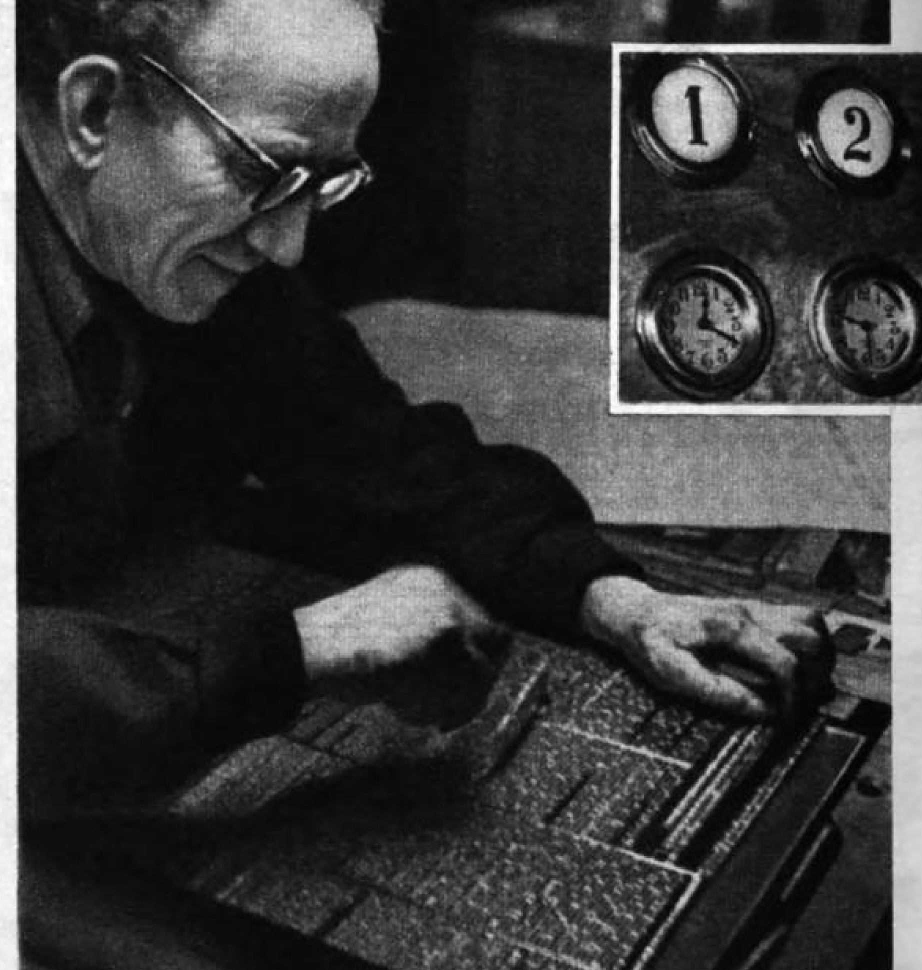
Пятьдесят лет назад созданная на рабочие гроши, гонимая тогдашними «власть имущими», терзаемая полицейским произволом и наси-

Фоторепортеры принесли большой «улов».

Сергей Борзенко торопится закончить статью: опоздаешь — не попадет в номер.

Переверстка! Метранпажу Михаилу Петровичу Родину есть над чем подумать.

В отделе литературы свои заботы: не лезет в полосу рецензия. Надо сокращать.

лием, она была и в ту пору страшна для врагов рабочего класса и революции. Теперь это мощный рупор победившего народа, строящего коммунизм.

Так из искры возгорелось пламя!

* * *

...Уже ночь спускается над Москвой, затихают ее улицы, а огни «Правды» не угасают — здесь делается главная газета партии. Пришло важное сообщение, переверстывается пятая полоса, уже почти готовая, надо срочно писать передовую, а времени в обрез — газета при вся-

Наборный цех.

Ротация заработала.

ких условиях должна выйти в срок: читатель не простит опоздания, «Правда» ему нужна, как воздух! В секретариате и в кабинете у редактора висят «вещие» часы, они точно фиксируют работу редакции. Как только полоса ушла под пресс, циферблат освещается, и часы останавливаются: вторая полоса окончена в 9 часов 20 минут, третья полоса окончена в 10 часов 10 минут. Сколько полос, столько и часов! И вот наконец «зажглись все полосы», как говорят в редакции...

Работа над номером окончена.

Ночь. Правдисты разъезжаются по домам для того, чтобы утром снова прийти сюда, в этот дом, делать новую газету, новый номер. И все это неостановимо, как сама жизнь.

Матрицы — на самолет!

«Суд памяти» — поэма о недавнем прошлом, о котором нельзя забывать, об ответственности каждого человека за судьбы Земли, о выборе между войной и миром, который необходимо сделать человечеству, чтобы победить силы разрушения. Место действия — Франция и Греция, Западная Германия, Польша и Советский Союз. Время действия — годы войны и наши дни.

Мы печатаем главу из этой поэмы. Полностью поэма будет опубликована в журнале «Октябрь».

Егор ИСАЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

РАЗЖАЛОВАННЫЙ В ЧЕЛОВЕКА

Они присели рядом на траву.
— Живой, старик?
— Как видишь сам, живу.
Шучу, как видишь,
Плачу иногда.
Такая жизнь,— он сплюнул.—
А тогда?..

Тогда я был оформлен и обут,
И — марш! — сюда,
На перегонный пункт,
Между женой и фронтом.

Так что, друг,
Нашлась работа
Для свободных рук.
Курки — на взвод.
За локоть рукава.

В крови Варшава.
Впереди — Москва.
Прорыв!
Успех.
Еще какой успех!
И я поверил,
Что превыше всех,

Что с нами бог!
На пряжке.
У пупка.

Но встречный вал
Чужого огонька
Вгонял меня
То в дрожь,
А то в бинты.

Я взят был в плен.
И вот — живу.
А ты?..
Ты воевал,
Иль так: из-за станка? —

Хорст сигарету смял у каблука
И по виску
ладонью
Вдоль рубца:
— Но я не сдался,
Дрался до конца.—
Как отрубил.

— Ну и дурак.

— А долг?
Солдатский долг?!

Ведь я бы тоже мог,
Как ты,— он встал,—
Отбросить автомат.
Но я не трус.
Я немец.
Я солдат!

Ганс побледнел.
Но не вскочил.
Не встал.
Он просто пули
На руке катал.
Он просто слушал,
Глядя на закат,
Как эхо повторяло:
— Я солдат!

* * *

— Я рук не поднимал.
Мне было все равно.
Один конец. Другого не дано.
А он стоял вот так,
Как ты сейчас.
Глаза...
Да где там!

Я не видел глаз,
А только взгляд,
Как смертный приговор,
И автомат
надульником
в упор.

Момент!
И я,
Безмолвный,
Упаду,
Как тот поляк
В сороковом году,
Как тот советский
У Великих Лук.
Они,
Как я,
Не поднимали рук.
И я
Тогда,
Шагая через них,
Спешил.
Нам было некогда, старик.

Но медлил он
И вдруг, шагнув вперед,
Сказал:
— Иди.
А я-то знал: убьет.

Я встал спиной
И ощутил спиной,
Как солнце
Замирает надо мной,
Как мушка
Наползает вдоль спины.
Плевок! —
И я
Претише тишины
Сорвусь лицом, как в пропасть,
В черный снег —
Прениже ветра
И ненужней всех.

Я сделал шаг. Второй.
Потом шестой.
Потом — не помню...
И услышал:
«Стой!»

Я стал
И ждал,
Полуживой: «Когда?!»
Но он сказал:
— Цурюк иди. Сюда.
А я-то знал:
Конец. Не пощадит.
Ударит в грудь.

Глаза открыл:
Сидит!

Сидит и, отвернувшись от пурги,
Портянки заправляет в сапоги.
Спокоен так,
Как будто я не враг.

Я сделал шаг.
Второй.
И третий шаг.
«Еще немного,— думал,— и...
Прыжок!»

Но он поднялся.
Палец — на курок.
— Теперь иди,— сказал,—
Куда ты шел,—
И автоматом
На восток
Повел.
— Туда иди! —
И взглядом как прожег.

А я стоял.
Ошеломлен.
У ног,
Казалось, обрывались все пути.
Идти назад? Да где там!
Не дойти.
Вперед идти? —
Пустыня впереди
Такая,
Что в обход не обойти.
Снега и пепел.
Пепел и снега.
В сравненье с ней
Сахара — чепуха!

И я-то знал,
Оставшись без огня,
Что впереди —
Ни вздоха для меня,
Ни потолка,
Ни тлеющих углей.

Я человек,
Но избегал людей.
Я человек,
Но обходил, как тень,
Пожарища остывших деревень:
Они страшней,
Чем минные поля.
Я человек,
Но не искал жилья.

И все ж я шел, надеясь:
Обойду.
Что где-нибудь
В колонну попаду
Таких, как я.
Но с каждым шагом шаг
Все тяжелей
И неотступней страх...

Такого страха я еще не знал!

Я, спотыкаясь, тихо остывал
На ледяном бушующем костре.

И вдруг — ты представляешь! —
На заре
Запел петух.
Не где-нибудь вдали,
А из-под ног запел,
Из-под земли.

И я подумал, что схожу с ума.
Какой петух,
Когда вокруг зима?
Когда вокруг
Ни стога, ни шеста,
Вся степь, как это стрельбище,
Пуста!
Какой там к черту петушиный
крик!

Теперь-то что?
А вот тогда, старик,
Мне было не до смеха,
Не до слез.
Мороз такой —
До потрохов мороз!
Вдыхаешь — лед,
А выдыхаешь — прах.

Я стал сосулькой в рваных
сапогах.

Я замерзал.

Я оседал, как в пух,
В глубокий снег.

А он — поет! — петух,
Как из могилы,
Глухо,
Но поет!

Я еле веки разомкнул:
Встает
Передо мной,
Вот так, как твой рюкзак,
Пушистый дым.
И я не помню, как
Подполз к нему.
Я умывался им.
Он мягким был, как вязаный,
Жилым.
В нем теплые струились
ручейки.

Вставало солнце!
И дымки... дымки
Из-под земли,
Над снежной целиной.
Я понял, Хорст:
Деревня подо мной,
Как кладбище.
Ни крыши.
Ни бревна.

Мы все вогнали в землю,
старина.
Огнем и плетью!
Мертвых и живых.
Ну как же, Хорст!
Ведь мы превыше их
И с нами бог!

Какая ерунда!

Я это после понял.
А тогда
Все тело ныло с головы до ног:
Тепла! Тепла!
И я уже не мог
Держаться больше.
Все равно — каюк.

Мне женщина открыла дверь.
И вдруг
Как оступилась,
Отступив за дверь,—
Как будто я
Не человек, а зверь.
Как будто автомат
еще со мной.
Забилась в угол.
За ее спиной
Дышали дети — волосы
вразброс.

И только там
Я поднял руки, Хорст!

Да, только там. В землянке.
Только там.
Сходились люди
Молча,
Точно в храм,
И так смотрели —
Хоронить пора.

Вошел старик и ручкой топора
К моим ногам подвинул
табурет,

Сказал:
— Садись!

Да разве в тот момент
Я мог кричать о долге?!
Нет, не мог.
И ты б не мог!
Какой там к черту долг,
Когда я жег.

Ты б видел их глаза:
Смотреть нельзя
И не смотреть нельзя.
Так только обвинители глядят.

Я говорил, что Гитлер виноват,
Что я солдат,
Что жечь я не хотел.
Но перед ними Гитлер не сидел,
А я сидел!
И между нами, Хорст,
Все сожжено
На сотни русских верст.
Могилы от реки и до реки —
Не улыбнуться,
Не подать руки.

И всё — за них.
Не за меня.
Вины
Не отвести.
И все-таки они
Поесть мне дали, вывели:
— Иди.

А как идти?
Все те же впереди
Обугленные села, города...

О, как я рад был, старина,
когда
В колонну пленных я попал!
Вина
Была уже на всех разделена
До самооправданья.
Мол, приказ
И прочее...
Что обманули нас.
Мол, хорошо, что вышли
из игры...

Нам дали всем лопаты, топоры.
Сказали:
— Строй.
Но разве топором
Я мог поднять,
Что повалил огнем?

...Пришел домой,
А дома нет.
Была
Одна стена — отвесная скала.
На головнях —
Грачи, как головни.
И никого...
Ни сына, ни жены.

А ты — герой! — о долге мне
орешь.

Все это ложь!
Да как ты не поймешь,
Что, убивая нами,
Под фугас
Бросали нас

И убивали нас
На всех фронтах
Всё те же, Хорст,— они! —
Кому всю жизнь до нищеты
должны.
За хлеб должны,
За кружку молока,
За место у патронного станка.
Всю жизнь должны!
Как деды и отцы.
Подвалы — нам,
А им, старик,— дворцы.
Окопы — нам,
А им, старик,— чины.
Платили кровью!
Все равно должны.
И с ними бог,
Не с нами.
С нами долг!

Приказ: сжигай!
И я...— он встал.—
Я жег!
Устало жег,
А чаще — на бегу.
Бензином — раз! —
И дети на снегу.
Босые дети! Понимаешь, ты!
А нам кресты,
Нагрудные кресты.
А нам холмы,
Могильные холмы.
Мы трусы, Хорст,
А не герои мы.—

Он сел и пули
Наотмашь — в кусты.—
Я груб, старик,
Но ты меня прости.—

И замер, глядя
На полынь в упор,
Как будто это не полынь —
Костер.
Огонь... Огонь...
И дети на снегу.
На том донецком
Страшном берегу.

О друзьях-товарищах

Л. КУДРЕВАТЫХ

На полках библиотек стоят десятки хорошо изданных и со вкусом оформленных книг военных мемуаров. Многие из них посвящены важнейшим операциям второй мировой войны, доблести авиаторов и танкистов, саперов и артиллеристов... Авторы этих книг, как правило, не журналисты, не писатели. Это генералы, офицеры, командиры партизанских соединений, пожелавшие рассказать молодому поколению о виденном и свершенном.

Жаль, что среди военных мемуаров почти нет книг, рассказывающих о таком роде оружия, как печать, о людях дивизионных, армейских и фронтовых газет, о военных корреспондентах центральной печати, о которых в песнях поется, что они с одним наганом первыми врывались в города и независимо от того, «жив ты или помер», старались, чтобы газета вовремя получила самую оперативную, самую правдивую корреспонденцию из района боев.

Как говорится, сапожник — без сапог, журналисты — без книг о своих друзьях-товарищах. Надо полагать, что рано или поздно все же будет создана, по всей видимости, коллективно написанная книга о военных журналистах. И первое слово в этой книге будет о военных корреспондентах-правдистах, показывавших образцы творческой энергии, мужества и доблести, скромности и трудолюбия, партийной собранности и целеустремленности. И на фронте правдисты всегда были старшими товарищами в корреспондентском корпусе.

За годы войны фронтовые пути-дороги сводили меня, тогда военного корреспондента «Известий», со многими военными корреспондентами «Правды». Вспоминаешь эти встречи — и встают перед тобой образы друзей-товарищей.

...Молодой березняк под Касней. Августовская теплынь. Солдатские палатки под цвет листвы и травы. Тут мы жили, когда возвращались из частей, здесь ели пшенную кашу, принесенную в ведре, здесь, устроившись на старых пнях, писали для своих газет корреспонденции о только что виденном и слышанном в подразделениях действующей армии.

Прислонившись к стволу березы, стоит Петр Лидов. Розовый рассвет пробивается сквозь листву молодых березок. Еще только вступают в любовную перекличку птицы. А он уже в сапогах, в гимнастерке, крест-накрест перехваченной портупеей. Как всегда собранный, сдержанный на слово, он стоит и пишет. И не потому, что иного времени нет. Ему нравится час рассвета, час рождения нового дня, пусть грозового, трудного, но нового. Лидов наслаждается свежестью проснувшейся природы и пишет. Пишет немногословно, даже скупо, но всегда поэтично, взволнованно, с огромным внутренним пафосом, который не оставит читателя безучастным к прочитанному.

Прошло немного времени, и имя Петра Лидова стало известно всей стране. В очерке «Таня» он рассказал читателям «Правды» о Зое Космодемьянской, в героическом ее подвиге показал величие души и устремлений советской молодежи, воспитанной за годы Советской власти. О Зое Космодемьянской написаны десятки книг, сочинены поэмы, повести, романы. И все же самым драгоценным произведением о московской комсомолке остается очерк Петра Лидова, открывший миру этот немеркнущий в веках образ.

Петр Лидов был частым гостем нашей «казармы» — комнаты, в которой в Москве «квартировали» военные журналисты-известинцы. Его всегда было интересно слушать — рассказывал ли он о встречах с военными или людьми, ковавшими в тылу несокрушимую мощь нашей армии. Так было и в тот день, когда Петр Лидов появился в Средней Ахтубе в «штаб-квартире» корреспондентов центральной печати. Шла великая битва на берегах Волги, и в Средней Ахтубе находились десятки корреспондентов центральных газет, ТАСС, Совинформбюро, радио. Все, кто был в это время на месте, несказанно обрадовались гостю. Но Лидов в Ахтубе не задержался. Он восторженно говорил:

— Какие чудеса показывают здесь наши летчики! Это же настоящие асы! Это непобедимые асы, потому что у них мастерство помножено на глубокое убеждение в правоте своего дела.

И вот в «Правде» появляется очерк П. Лидова о советских асах. И в нем та же мысль: воинское мастерство плюс идейность! В этом наша сила!

Погиб Петр Лидов под Полтавой, выполняя срочное поручение «Правды». Погиб он вместе со своими друзьями — фотокорреспондентом-правдистом Сергеем Струнниковым и писателем-известинцем Александром Кузнецовым.

Имя Петра Лидова высечено не только на памятных досках в московских Домах литераторов и журналистов. Оно навечно осталось в истории советской журналистики.

На Западном фронте, под Касней, а позднее в Вязьме в первые месяцы войны я встретил высокого, стройного, на редкость красивого человека — фотокорреспондента «Правды» Мишу Калашникова. Встретил и полюбил. Его нельзя было не любить, этого обаятельного, бесстрашного и удивительно корректного человека, строгого в своих суждениях, взглядах на жизнь. Как-то в Вязьме, в столовой Военторга, мы встретили девушку, доставившую из партизанского отряда донесение. Один циник (к сожалению, встречались такие и среди военных корреспондентов), не имея никаких на то оснований, нелестно отозвался о девушке. Надо было видеть побагровевшее лицо Миши Калашникова. Он не кричал, не ругался, не оскорблял циника. Он встал из-за стола и сказал ему:

— Я никогда не смогу подать вам руки.

Мы тоже встали из-за стола и молча присоединились к Калашникову.

Есть такие люди, в жизни очень простые, обыкновенные, компанейские, но в присутствии которых никто не выругается, постесняется появиться пьяным или быть развязным не только с девушкой, а даже и с товарищами. Таким был правдист Миша Калашников, человек необычайно скромный и смелый. Мы знали, что некоторые снимки М. Калашникова, появившиеся в «Правде», добыты им под минометным и пулеметным огнем врага, что к «точке», с которой лучше всего сделать снимок, он подбирался по-пластунски, прислушиваясь к свисту проносящихся над ним пуль. Вот так, на посту, с фотоаппаратом в руках, стараясь запечатлеть на века героическую битву на подступах к Севастополю, и погиб Миша Калашников, светлый человек, коммунист-правдист. Смерть Калашникова как личное горе переживал весь наш «военкоровский корпус».

На разных военных дорогах встречался я со многими правдистами — военными корреспондентами. На Брянском фронте мы колесили по тульским, орловским и воронежским землям с Михаилом Сиволобовым. На полевых дорогах, изрытых снарядами и минами, в Приднепровье, на Буге, Днестре и Пруте мы подружились с поэтом и солдатом Павлом Кузнецовым, с застенчивым, вдумчивым, лирически настроенным Сергеем Крушинским, ушедшим из жизни в расцвете своих писательских сил.

Фронтовые пути не свели меня с Сергеем Борзенко. Но все мы, военные корреспонденты, восхищались своим коллегой, бесстрашным в бою, сердечным в дружбе журналистом-писателем. И всем нам было радостно увидеть в «Правде» очерк Сергея Борзенко с пометкой «От нашего специального корреспондента»: так и должно было быть — Борзенко стал правдистом.

На подступах к Берлину и на его улицах, на переправах через Одер, на полевых аэродромах и артиллерийских батареях, обстреливавших рейхстаг, я видел многих правдистов. Здесь был торопливо записывающий беседу с солдатом Всеволод Вишневский. А рядом с ним — сосредоточенный Иван Золин. Берлинские дневники Вишневского, включенные в посмертное собрание сочинений писателя, не только материал для военного мемуариста. Это страница истории литературы, где в наспех набросанных строках чувствуется темперамент писателя-коммуниста, а в ритме коротких, чеканных фраз, в сравнениях, эпитетах, схваченных на лету, в образной сочности письма — художественное мастерство.

На Третьем Белорусском мы частенько ездили на одной машине в одну и ту же часть с Вадимом Кожевниковым. Было приятно наблюдать за работой писателя, уже тогда известного. Он все хотел видеть своими глазами, не страшась вражеского огня, а когда мы возвращались в Стоклишки, где находился узел связи, Вадим Кожевников устраивался у подоконника и немедленно начинал писать боевую корреспонденцию. Его звали в столовую обедать, а он отвечал: «Обедать буду тогда, когда бодистка передаст в Москву для «Правды» последнюю строчку моего опуса».

...Борис Горбатов, автор широко известных в народе книг, опубликовавший на страницах «Правды» незабываемые «Письма товарищу», приехал под Берлин незадолго до начала штурма фашистской столицы. Тогда на Первом Белорусском фронте из военных корреспондентов, пожалуй, можно было укомплектовать аппарат политотдела фронта или редакцию любой газеты. Борис Горбатов приехал как солдат, как рядовой армии журналистов. Он вместе со всеми с утра мотался по частям, штурмовавшим Берлин. Вечером, как все, нес на телеграф свой очередной, по-горбатовски страстно написанный очерк с самого переднего края исторической битвы.

В последние дни штурма Берлина Борис Горбатов находился в корпусе, которым командовал генерал Переверткин. Вместе с солдатами этого корпуса он проник в подземелье имперской канцелярии, видел полуобгоревшего Геббельса, обследовал камеры Моабитской тюрьмы, пожимал руки тех, кто первым ворвался в рейхстаг и водружал над ним знамя Победы.

Когда бодистка отстукивала последние строки его корреспонденции, рассказывающей о том, как был подписан акт о капитуляции Германии, Горбатов сказал:

— Это самое лучшее из всех моих «писем товарищу», которое я когда-либо мог написать.

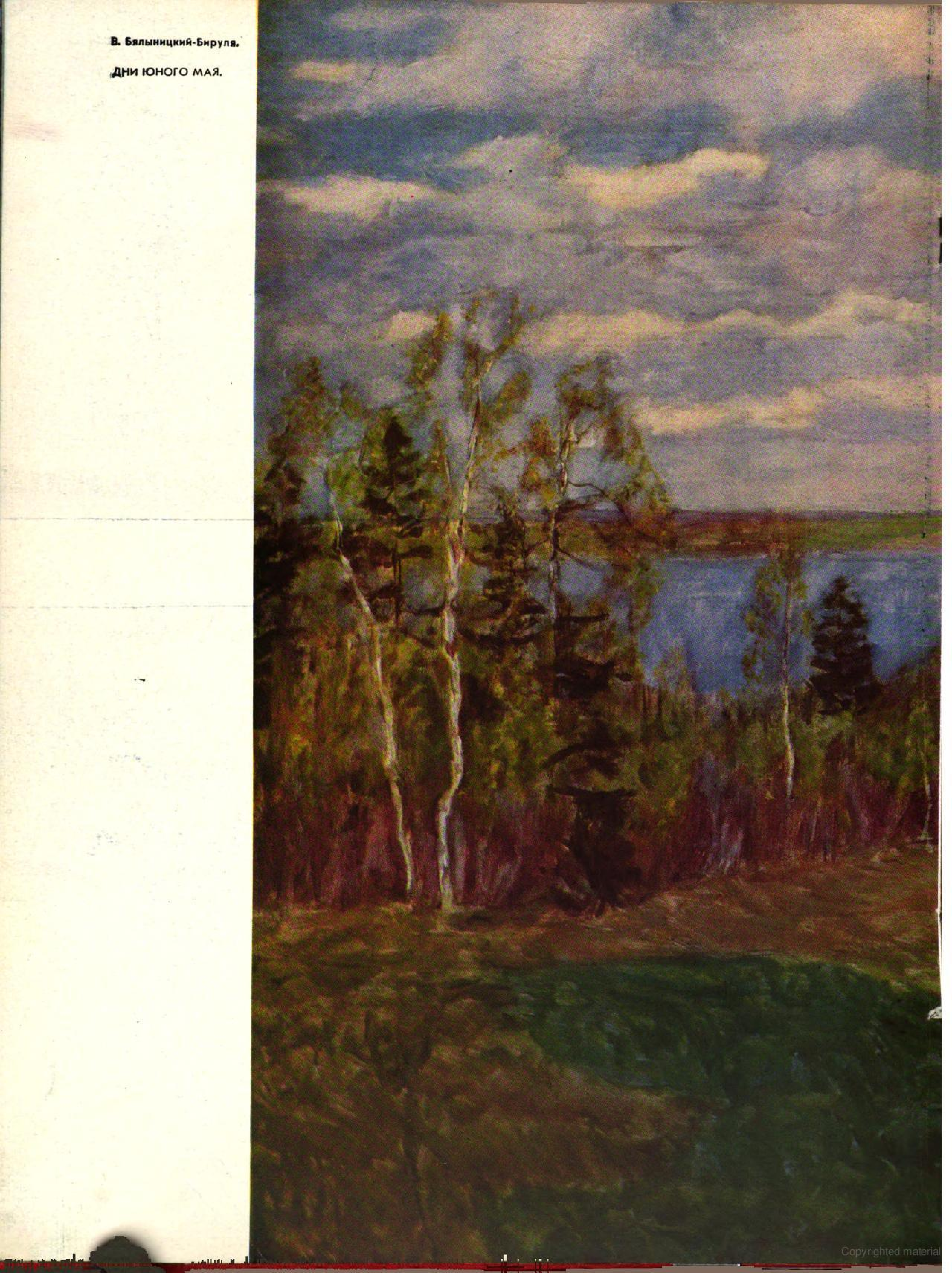
С Борисом Горбатовым после победы над гитлеризмом мы «на Тихом океане свой закончили поход» — сто дней я провел с ним в поверженной Японии.

Упомянутая корреспонденция о подписании акта о капитуляции Германии была написана Борисом Горбатовым вместе с Мартыном Моржановым — удивительно трудолюбивым журналистом, готовым для «Правды» не спать сутками, ехать на любой край земли, чтобы заполучить интересный материал для газеты.

...А всегда сосредоточенный Яков Макаренко — он для всех нас был примером скромности и честного выполнения своего журналистского долга. На войне Яков Макаренко, как говорят, расписал-

В. Бялыницкий-Бируля. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ПЯТИГОРСКА.

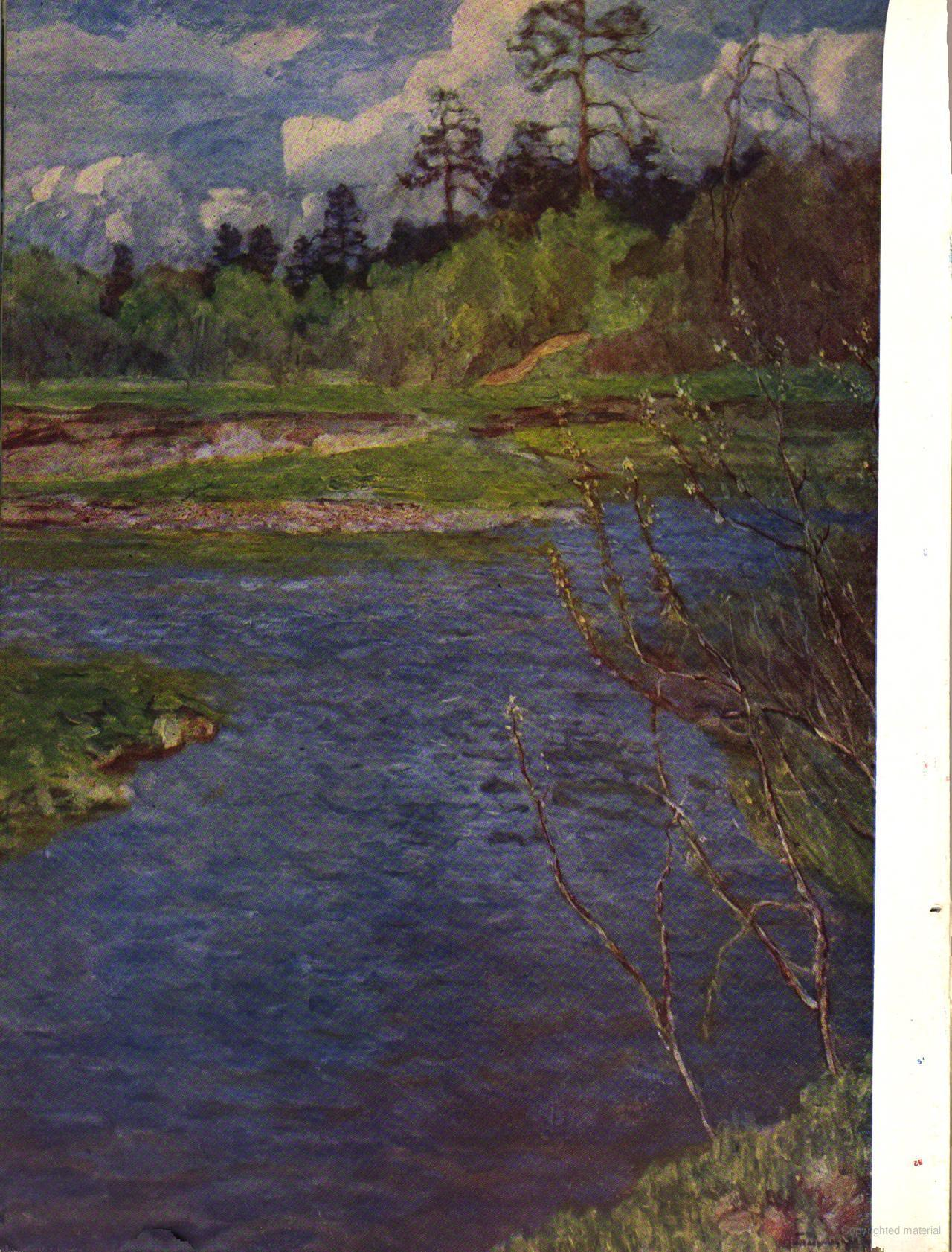
ЛЕД ПРОШЕЛ.

В. Бялыницкий-Бируля.

ДНИ ЮНОГО МАЯ.

ся и стал очеркистом. С ним довелось мне пережить несколько тревожных минут весной 1945 года в Померании. Мы были в одном из полков первой Польской армии, которая во взаимодействии с соединениями Советской Армии окружила и добивала корпус гитлеровских войск СС. В полку мы несколько задержались и, чтобы вовремя попасть на телеграф, решили возвращаться более короткой дорогой. Командир полка предупредил нас: «В лесу бродят немецкие части». Но это нас не смутило.

Ехали мы минут сорок. Шоссе было пусто. Вдруг водитель, старшина Иван Иванович Пронин, исколесивший со мной по дорогам войны около ста тысяч километров, тронул меня за рукав:

— Товарищ майор, посмотрите направо.

Из леса наперерез автомобилю бежали немцы. Их было человек пятнадцать, вооруженных автоматами и гранатами. Что делать? Возвращаться обратно? Поздно. Проскочить? Не успеем, да и совестно. Отстреливаться? Силы явно неравные. Решаем остановиться и выйти из машины. Мы терпеливо ждали. И каково же было удивление, когда немцы, подбежав к шоссе, поспешно стали бросать оружие и подняли руки. Из недолгих переговоров стало ясно: они хотят сдаться в плен и просят скорее доставить их под охрану наших солдат — командование СС послало за ними погоню, их могут убить.

Пленные стоят перед нами с поднятыми руками. Их оружие на земле. Немцы ждут решения. Но мы не можем их сопровождать: пешком — далеко, в автомобиле — все не поместятся. Вот уж действительно не было печали!.. Пока мы советовались, как быть, старшина Пронин побежал на шоссе — навстречу неслась грузовая машина. Стоп! Ребята из трофейной команды забрали в кузов немецкое вооружение и пленных и лихо скрылись за поворотом. А мы облегченно вздохнули. Чего только не бывает на войне!..

Наверное, не один вечер можно занять рассказами о Борисе Полевом, этом беззаветном в работе и дружбе журналисте-писателе, высоко несущем почетное звание правдиста. Он вел наш журналистский «корпус» из села Валява по деревням и полям, по глубокой, непролазной украинской грязи, когда советские воины, прорвав немецкий фронт, быстро рванули к румынской границе, опережая убегающие фашистские части. Он организовывал отправку наших корреспонденций, залежавшихся на пюпитрах телеграфисток; он делился новостями, придя к нам от командующего фронтом. Борис Полевой был среди нас старшим товарищем, показывавшим образцы журналистского труда.

О многих, очень многих военных журналистах-правдистах, о друзьях-товарищах, прошедших вместе с советскими войсками победный путь от Волги до Эльбы, не сумел я сказать и нескольких слов в этих коротких записях. А сказать надо обо всех, о каждом. И не бегло, а разобрав его творчество, указав на особенности его письма, на отношение к событиям, окружающим людям. Но для этого нужно писать большую книгу. И писать коллективно. Хочется верить, что такая книга будет написана.

ВСЕ НАЧАЛОСЬ С БОЖЕНЫ

Борис ИВАНОВ

Рассказы из чехословацкого блокнота

ЧАЙКИ НАД ВЛТАВОЙ

Чайка — птица вольная. Любит высокое небо и широкие горизонты. Где море, там и чайки. Даже не на всяком озере поселяется эта птица. Не говоря уже о реках.

А на Влтаве, у Карлова моста, в самом центре Праги, чайки живут. Даже зимой не покидают облюбованного места. А Влтава не море — узкая речка. «Давно ли они поселились здесь?» — поинтересовался я у старожилов города. Думал услышать в ответ: с незапамятных времен. Ан нет! Прилетела сюда чайка после войны, после освобождения Праги от фашистских захватчиков.

Случайное совпадение, конечно. Но как оно знаменательно! Свобода и чайки. И недаром так полюбили чаек жители города. Целыми днями толпятся люди на набережной имени Сметаны. И птицы доверчиво приближаются к человеку. Я видел однажды утром, как мальчуган в светлой курточке с желтым, переделанным в своеобразный ранец портфелем за плечами кормил из рук чаек. Птицы, словно по конвейеру, одна за другой садились к нему на плечи и, взяв кусочек хлеба, улетали прочь, к деревянным волнорезам. Мальчик едва успевал вытаскивать хлеб из карманов синих штанишек. А когда запасы кончились, чайки покружились у него над головой, будто благодаря за вкусный завтрак. Мальчик постоял минуту у реки, приветливо помахал им, а потом, видимо, спохватившись, что опаздывает в школу, побежал вприпрыжку, цокая каблуками о плиты тротуара.

До свиданья, добрый человек!

И тут мне вспомнилась другая столица, расположенная недалеко от моря и тоже на берегу реки. Так бывает: вдруг какая-либо деталь, жест, факт, слово всколыхнут в памяти уже давно забытое тобой. А оно, оказывается, живет, теплится, и нужен лишь толчок, чтобы это забытое вновь ярко вспыхнуло.

Таким толчком послужили чайки, хотя вспомнились птицы другого рода. То были вороны. И вот какая картина возникла перед глазами.

Древний, мрачный замок Тауэр в самом центре Лондона. Когда-то замок был и резиденцией королей, и их тюрьмой, и местом казни, где рубили головы, сбрасывали живьем в глубокий каменный колодец. Здесь, в Тауэре, закончил свой жизненный путь под топором палача Томас Мор — свободолюбец, основоположник утопического социализма...

Неподалеку от Кровавой башни, у серой от времени и птичьего помета стены, сидят, ссутулившись, шесть черных воронов. На траве валяются куски сырого мяса.

Около чугунного барьера молча стоят туристы. Отчетливо слышен голос гида.

— Девятьсот лет живут здесь вороны,— говорит он,— и у нас есть такое поверье: как только они улетят, рухнет английская монархия.

Кто-то из туристов в красном пиджаке с ярко начищенными

бронзовыми пуговицами вытащил из дорожной сумки авиакомпании «SAS» булочку и бросил ее через барьер поближе к птицам.

— Вороны не вегетарианцы,— сказал с улыбкой гид, обращаясь к туристу, и продолжал: — Чтобы вороны не переводились, за счет казны содержится неподалеку от Лондона специальный человек. Он выращивает этих птиц, дрессирует их и, когда нужно, быстро заменяет заболевшего ворона здоровым и молодым.

Англичане, как писал Карел Чапек, «по-пуритански серьезны и по-детски веселы». Заканчивая свой рассказ, гид заметил:

— Вороны не улетают, монархия держится.

...Погожее утро стояло над Прагой. И город как-то особенно ласково улыбался всеми своими окнами. Шпиль собора в Градчанах, как палочка дирижера, был устремлен к голубому небу. «Внимание,— словно говорил он скверам и паркам,— начинается весна!»

Каштаны, акации, клены, вытянув свои ветви-струны навстречу солнцу, будто только и ждали этой команды, чтобы разлить свою изумрудную песнь по улицам города.

Чайки кружились над рекой, о чем-то споря между собой, садились на волнорезы.

— Скоро будут птенцы,— сказал вслух невысокого роста мужчина в коротком черном пальто. Длинные пепельные усы его, как у знаменитого чешского художника Трынки, при этом зашевелились.

Тихо журчала Влтава. Небо стояло высоко-высоко, раздвинув горизонт во всю необъятную ширь.

ДВЕ СТОРОНЫ ХЛЕБНОЙ КОРКИ

Несколько ступенек вниз, поворот налево — вот и гардеробная гостиницы «Народный дом». В ресторане гостиницы был обед. Так решили еще в Праге: первая остановка в городе Оломоуце.

Гардероб как гардероб. Ничего примечательного. За деревянным барьером вешалки. На них пальто: коричневые и синие, бежевые и зеленые — всех цветов, длинные и короткие, на все вкусы и характеры. У барьера — полная высокая женщина. Седые волосы собраны на затылке в большой пучок. Он, видимо, тяжелый, и поэтому кажется, будто голову она держит, чуть-чуть откинув назад.

Подавая пальто, женщина мягким, грудным голосом спросила:

— Откуда будете? Далеко путь держите?

— Из Москвы. А еду в Остраву.

— Так и думала, что русский. Иначе бы не спросила. А что в Остраву — это хорошо. К шахтерам, значит.

Женщина облокотилась на барьер гардеробной и подняла на меня оправленные в лучики морщин серые глаза. Взгляд внимательный, участливый. Он и задержал. Что же еще хочет сказать эта женщина?

— К шахтерам, значит...— повторила она и умолкла.

Собирается с мыслями, подумал я. Сейчас начнет хвалить. Шахтеры, мол, герои, мужественные люди и богатые. Или, наоборот, станет их ругать: много пьют, несдержанны на язык, грубы. Пожалел было уже, что задержался: времени мало, ехать по чехословацким масштабам еще далеко.

— Можете звать меня Боженой,— снова заговорила женщина.— Что к шахтерам — это правильно... Хлебная корка имеет две стороны. Одна — гладкая да румяная, вся на виду, другой не видно. Она внутри. Срослась с мякишем, с сердцевинкой, значит. Так и люди.

— Не понимаю...

— Понятие придет, если терпение есть... Давно в Чехословакии?

— Третий день.

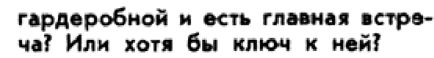
— Прагу, конечно, видели? Правда, красива наша столица? Нельзя на нее смотреть равнодушно. Много сделал наш народ, как много спел песен. Одна песнь краше другой. А вот лучшая его песнь — дело, одна, единственная на весь мир — наша Прага.

— Согласен, Божена. Со всем согласен. Но при чем здесь хлебная корка?

— Я и говорю, повидали, значит, Прагу. Камни ее, как моя голова, поседели от времени. Неприметные вроде камни. Не полированный гранит, не мрамор... Подождите минуточку, сейчас только пальто подам.

Уходить я уже не собирался. Нужно было дослушать притчу Божены. Путешествие — это всегда цепь неожиданностей. И всегда ищешь в ней главное звено. Может быть, это знакомство в

гардеробной и есть главная встреча? Или хотя бы ключ к ней?

Божена взяла у молодого человека бумажный квиток и быстро, по-девичьи легко направилась с ним к вешалке. Посетитель, аккуратный, довольный, весь сияющий, как и его отполированные бриллиантином волосы, повернулся спиной к деревянному барьерчику, вытянув назад руки. Гардеробщице оставалось только надеть на них рукава пальто. Но Божена этого не сделала. Она тихо положила пальто на вытянутые руки и отошла. Этого посетитель никак не ждал. Его круглые щеки покрылись красными пятнами, будто по ним сильно ударили. Потом, ловко перехватив пальто, молодой человек быстро направился к двери.

— Вот она, верхняя сторона корочки,— сказала Божена, снова облокачиваясь на барьер.— Я вас не задержала? Нет? Тогда слушайте дальше. Из обычных камней построена Прага. А постойте молча на Старгородской площади, осмотритесь вокруг и прислушайтесь. И если бог дал вам хорошие уши, услышите, как эти камни говорят. Чепуху мелет старая Божена, думаете вы. Я тоже раньше так думала, когда молода была. А вышла замуж за каменщика, нарожала детей — трудно стало жить нам с Карелом. Разругались однажды мы с ним. Плюнула я на все, хлопнула дверью и пошла ночью бродить по городу. Это чтобы позлить своего старика и самой успокоиться. Незаметно дошла до Старгородской площади. Кругом ни души. Стою молча. Тихо. И вдруг слышу: камни заговорили.

«Видишь, Божена, какие дворцы сотворил из нас человек. Сколько веков прошло с тех пор, а мы все стоим. Многое мы повидали — и королей и купцов, словом, всяких людей в бархате и парче. А кто их помнит? Никто. Даже мы, камни, не знаем их имен. Да и откуда нам знать, когда эти люди только ногами топтали нас! А вот тех, кто руки к нам приложил — Яника-старого, Зденека-рыжего, Карела-молчаливого,— мы помним. Это они тесали нас, ласкали, вечную жизнь в нас заложили от своих сердец. И никто этот огонек теперь не потушит. Потому что все мы вместе и крепко спаяны».

Стою, слушаю и ушам не верю. А камни уже молчат. Опять тихо-тихо... Словно выстрел, щелкнула стрелка на часах Старгородской ратуши. Я схватилась и что есть духу побежала домой к своему Карелу-каменщику. Вот он у меня какой знаменитый, думаю. Прибежала, запыхалась — и к мужу... А он: «Ты что, сдурела?» «Да нет!» — отвечаю. И рассказала, что со мной было на Старгородской площади. «Это тебе,— говорит Карел,— померещилось. Устала ты от ребят да от стирки. Еще когда мы любились, я тебе эту сказку на той самой площади ночью рассказывал. Чтоб солидности себе придать. Слушай, мол, какие мы, каменщики, народ видный».

Жаль, не дожил мой Карел до нынешней поры. Когда о таких людях, как он, не камни, а весь мир говорит с уважением. А ведь, поди ж ты, вроде и не в бархате ходил Карел.

Божена отняла локти от деревянного барьерчика гардеробной. Выпрямилась. Вокруг ее серых глаз еще больше засияло лучиков.

— Смотрю, терпение у вас есть. Ну и понятие насчет хлебной корочки тоже пришло. Так ведь? Заговорила я вас... Счастливого путешествия до наших шахтеров.

...Уже час мчится «Татра» по дорогам Моравии к Остраве. Величественно проплывают Судетские горы, склоны которых одеты хвойными лесами. Видимо, леса до краев полны дичью, и от тесноты этой она вылезает к самой дороге. Ничуть не боясь человека, решают свои птичьи дела куропатки. Их так много, как на наших полях грачей по весне. Равнодушно поглядывают на мчащиеся машины фазаны. Кокетничают своей статью у опушки леса олени. И лишь зайцы, соблюдая звериный этикет, улепетывают во все четыре ноги от придорожных кустов и яблонь при нашем приближении.

В открытое окно врывается ветер, пахнущий землей, хвоей и водой. А я думаю о Божене и ее рассказе. Что это было? Напутствие, выражение гордости или знак расположения?

ТРОИЦА

I

Коренастый, широкоплечий, весь золотисто-коричневый — и глаза, и гладко зачесанные назад волосы, и костюм,— он уверенно шагал по неширокой улочке Остравы. Так шагают люди — широко, твердо ставя ногу на землю,— хорошо познавшие и вкус и цену жизни, а посему крепко держащие ее за узду.

— Эти дома снесем,— говорил он, показывая на длинные, приземистые строения с черными провалами окон,— видите, уже и рамы вытащили. Начали, значит. И построим здесь новые, легкие, светлые. Вот «Троица». Старая шахта, добрая, вместо отца мне была... О Колаж! — воскликнул он и развел руками.— Счастливая неожиданность... Знакомьтесь. Начальник «Троицы».

— Честь праци! Везет! Не надо специально идти к тебе,— сказал повстречавшийся нам круглолицый человек и полез в портфель.— Вот приглашение. Завтра у нас молодежный бал. Ждем обязательно. Не придешь, ребят обидишь. И гостей с собой, понял?

— Буду, буду...

— К нам сейчас?

— Нет, к себе. Гостям хочу показать.

— Так... Ну, счастливо. Не забудь, завтра в семь.

За красно-бурыми строениями «Троицы» пересекли небольшой пустырь, поросший чахлой травой. Подошли к двухэтажному, сгорбившемуся под тяжестью лет каменному дому. К нему прилепился, словно приживалка, такой же старый деревянный чулан с низкой дверью.

— Вот тут я и появился на свет в тысяча девятьсот сорок пятом. Нет, не родился. Это произошло значительно раньше, в 1921-м

Но спутник наш не оговорился. Именно появился на свет. А все остальное, предшествующее 45-му время, целых двадцать четыре года,— сплошной мрак и слякоть.

Что все это значит и почему мы очутились здесь на пустыре, у заброшенного чулана?

Послушаем рассказ нашего спутника. Но прежде всего нужно его представить. Это Ярослав Миска, потомственный остравский шахтер — та сторона хлебной корки, которая обращена к мякишу, к сердцевинке, значит, как говорила Божена.

II

Он видел, как с вершины горы сорвалась глыба и стремительно полетела вниз, подминая под себя кусты вереска. С каждым мгновением глыба приближалась к нему, увеличиваясь в размерах. Вот она уже закрыла все небо. А под ногами маленькая площадка. Шаг в одну сторону — очутишься в пропасти, по дну которой метались люди — маленькие, серенькие; шаг в другую — упрешься в гранитную скалу.

Он явственно ощутил, как на лбу выступил пот. Ужас охватил его. Куда, куда спрятаться от смерти? Она смотрит на него отовсюду: и сверху и снизу. Прижаться к скале, слиться с ней. Но тело стало каким-то неповоротливым, тяжелым. Он напряг все силы, наконец резко повернулся, и боль, колючая боль пронизала всего...

От боли Ярослав и проснулся. Первое, что он увидел,—это полоску цемента меж двух кирпичей. Какую-то долю секунды Ярослав не мог понять, что с ним. Утренний ветерок зашевелил волосы на голове, и тогда схлынула тяжесть, пришла радость, легкая, щекочущая радость от сознания того, что он дома, свободен, а угрожавшая смертью глыба только кошмарный сон.

Ярослав сел. В глаза брызнуло солнце. У кирпичной стены, где он провел ночь, курица старательно разгребала землю. Из-под ее когтистых лапок летели мелкие камешки, вспыхивали перламутром кусочки угля. Напротив громоздились строения шахты «Троица». Медленно вращалось колесо подъемника. От всего веяло покоем и миром. Словно ничего и не изменилось здесь, в маленьком уголке Остравы, с тех пор, как он попал в тюрьму. А ведь уже минуло пять лет. Да и каких пять лет!

Ярослав по тюремной привычке запустил пятерню в свои густые рыжеватые волосы, и снова резкая боль пробежала по телу. На лбу он нащупал пальцами большую кровяную ссадину.

— Вот черт! — выругался он.

Но тут же, заглушая боль, охватила его сердце тревога. «Жива ли мать?» Мать — это все, что осталось у него близкого в жизни. Это единственное, что еще связывало его с Остравой, что поддерживало все мучительные пять лет фашистской каторги на каменоломнях Норвегии, в концлагерях Брик, Глайвица, Бреслау.

Когда в 1940 году фашистские оккупанты бросили его, молодого шахтера, в тюрьму за отказ работать на них, мать еле передвигала ноги. Она была тогда очень больна. И Ярослав был ее единственной опорой. Отца, тоже шахтера, схватили еще раньше. Прошло пять лет. И за все эти годы Ярослав не получил от матери ни единой весточки. И вот сейчас всего лишь несколько шагов отделяли его от прямого ответа.

Сегодня ночью войти в деревянный старый чулан, притулившийся к каменному дому, Ярослав не мог. Трижды осторожно стучал он в дверь, но никто не отвечал. Всматривался в небольшое оконце, но, кроме горшка с геранью, ничего не увидел. А мать любила цветы. И дверь была заперта изнутри. Значит, чулан, служивший ему девятнадцать лет домом, обитаем, в нем живут. Это поддерживало в Ярославе зыбкую надежду увидеть мать. И он решил переждать до утра, сел на землю, прислонившись спиной к каменной стене. Усталость — немал путь от Норвегии до Остравы — сразу свалила его, и он не заметил, как заснул...

Ярослав встал с земли, стряхнул с брезентовых штанов пыль и снова подошел к окну чулана. Сквозь сумрак он различил большой гладильный станок и в углу железную кровать, на которой спала она, да, сомнений быть не могло, она, его мать.

— Ну, все! Теперь все! — вслух облегченно проговорил Ярослав.

В ворота «Троицы» входили шумной толпой шахтеры.

Первое утро новой жизни Ярослава Миски началось.

III

И вот что я еще узнал о Ярославе Миске от его друзей-шахтеров.

Ярославу всю жизнь сопутствовала доброта. Сквозь пелену мрака нищенства просвечивало ее внимательное, участливое лицо. Мать больна, отца как неблагонадежного выгнали из шахты, но чья-то рука помогла ему, тогда мальчишке, устроиться на земляные работы. И голод, нависший над семьей Миски, отступил.

Концлагерь. Там распоряжалась жестокость — кровавая, беспощадная. Здесь были ужас и ненависть к палачам. Но и в концлагере поддерживала узников, вселяла в их души огонь надежды, рождала силы к сопротивлению доброта братьев по судьбе.

Обвал на каменоломнях Норвегии. Огромные гранитные глыбы стали надгробьями многих и многих людей. Того, кто уцелел, но был ранен, фашисты приканчивали выстрелом из пистолета. Ярослава Миску товарищи вытащили из-под камней, скрывали в бараке, подменяя его в карьерах, пока он не поправился. Так спасли не одного его.

Доброта соседок — жен шахтеров — сохранила в тяжелые годы оккупации жизнь его матери. Доброта шахтеров «Троицы» поддержала его в первые дни после возвращения из концлагеря. Товарищи отца — коммунисты дали ему пусть не новую, но еще крепкую рубашку и взяли в свою смену. Они же после революции 1948 года горячо поддержали его инициативу создать ударную молодежную бригаду. Власть перешла в руки рабочих. Стране нужен был уголь. И бригада Ярослава Миски рубала его по методу советского шахтера Ивана Бридько — быстро и много.

Потом областная политическая школа, техническое училище. Должность инспектора всего Остравского угольного района. Инспекцию Ярослав проводил по-своему: проверяя, учил людей.

И вот он директор шахты имени Юлиуса Фучика. Пять лет она не выполняла план. Старый директор, передавая ему дела, посоветовал:

— Единственное спасение — строгость. Иначе здесь ничего не выйдет. Требовать, требовать и требовать! Трижды требовать!

«Не в этом ли и причина плохой работы шахты?» — думал Миска, поджидая на следующее утро в душной, накуренной комнате шахтоуправления бригадиров. И сам себе ответил: «Да, именно в этом». Здесь нужна «трижды доброта». За короткий период на шахте сменилось шестнадцать директоров. И все они, как эстафету, передавали друг другу эту злополучную триаду: требовать, требовать и требовать. Он начнет с другого. Он по своему опыту знает, что значит заботливые руки. Об этом Ярослав Миска и будет говорить с бригадирами на своем первом совещании.

...В комнате прибавлялось дыма, но не людей. Как пришли шесть человек, так и осталось. Дружно курили, поджидали остальных двадцати четырех.

— Все известно, начальник. План, требовательность... Вот они и не идут,— сказал худенький курносый шахтер в кожаной куртке.— Давай начинай. Мы передадим.

Другие шахтеры, скрывая улыбку, внимательно посмотрели на Миску.

— Вот и ошибся, парень. Совещание у нас будет не здесь, а у каждого дома. Вроде как индивидуальное. Мне просто хотелось посоветоваться с вами, к кому первому идти.

Ярослав Миска встал из-за стола и под удивленный шепот собравшихся ушел. Его путь лежал к дому Антонина Сендика.

Визит был неожиданным. И разговор начал не хозяин, а его жена.

— Уборная сломалась, слесарей не дождешься,— жаловалась она,— крыша течет, третью неделю кровельщика зову. Разве это жизнь?

— Согласен. Плохая жизнь. Но это все мелкий ремонт. Завтра утром поправим. А где Антонин?

— Где ж ему быть? Известно где!

— Вот тут нужен капитальный. Передай ему привет от Ярослава Миски.

И так целый день допоздна, в каждый дом горняка.

На другой день жена Сендика давала указания слесарю и кровельщику, а в шахтоуправлении было тесно от людей. Каждому хотелось посмотреть на необычного начальника. Но его можно было увидеть только в забое. Там он советовал, показывал, и все без упреков. А нерадивых упрекали сами товарищи, те, кто с ними работал бок о бок, кто жил под одной крышей.

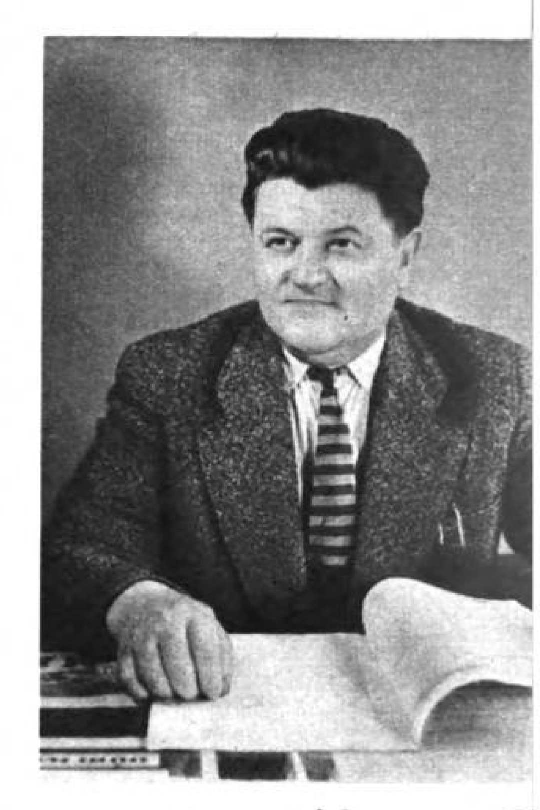
Пришла как-то к Ярославу Миске жена шахтера Карела Янега с жалобой на низкие заработки мужа. Ей ничего не стали объяснять. Миска спустился с ней в шахту и показал, как работает ее муж. Что она ему там в забое говорила, знают только пласты угля. Но после смены Янег пришел к начальнику шахты удрученный и злой.

— Так нельзя,— сказал он.

— А так, как ты, можно? — ответил ему Миска.

На этом разговор и закончился.

Доброе к доброму тянется. Впервые на шахте рабочие почувствовали своего брата, товарища, заботливого человека, который вместе с ними не только в труде, но и в радости. День рождения у кого — Миска в семье желанный гость. Горе у кого — Миска тоже

Ярослав Миска

рядом. И уже через два месяца после его прихода на шахту она впервые выполнила план. А потом перевыполнила, и так с нарастанием из месяца в месяц.

«Трижды доброта» — вот мера требовательности Ярослава Миски. А самая высокая должность — Человек. По ней и равняется он во всех своих делах.

IV

Я уже не застал Миску в должности начальника шахты, когда с ним познакомился. Год назад из Праги его попросили взять на свои плечи заботу о всех горняках бассейна. Его назначили директором Остравского угольного комбината. Шахтеры выбрали в парламент республики.

Счастливая судьба? Да, она и не может быть другой у таких, как Миска. Он крепко спаян с народом, он ведь та сторона хлебной корки, что к сердцевине ближе.

Сегодня утром Ярослав Миска приехал из Вены. Был там по коммерческим и государственным делам. В четыре назначил совещание актива комбината, чтобы рассказать, как работают австрийские горняки.

— Метана у них в шахтах много. Тяжело и опасно. Техника старая, как когда-то на нашей «Троице». Видел дворец бывшего хозяина «Троицы». Встречался с его отпрысками. Мелкие люди... Кстати, чуть не забыл...

Миска потянулся к телефону.

— Горсовет? Здравствуйте. Просьба к вам. Карел Янег, что с «Троицы», вчера квартиру получил. Дооборудовать бы надо. Да, да, телефончик поставить. Спасибо... Так я ему передам, добро.

Щелкнул рычажок телефона.

— Это тот Янег, которого когда-то жена в забое воспитывала. Преотличный сейчас шахтер...

За широким окном кабинета просигналил автомобиль. И почему-то вдруг слышно стало, как тикают большие часы на стене. Они шли спокойно и ровно, все вперед и вперед.

РОДНАЯ КРОВЬ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Повесть

Когда все кончилось, они вышли последними на темную площадь. Их поджидали два паренька, с которыми Федотов о чем-то шептался перед сеансом. Теперь он взял у них и сунул себе в карман бутылку, и они пошли рядом по пустым улицам, мимо домов, с одной стороны освещенных четвертью молодой луны.

На полдороге она как-то нечаянно взяла его за руку, шла рядом с ним веселой, почти танцующей походкой и молча улыбаясь, так что он наконец спросил:

— Ты что?

— Так, хорошо. Музыка! А до чего было страшно, что они нас догонят, а мы вот спаслись, мы спаслись! И всех победили! — И она рассмеялась, раскачивая его руку на ходу.— И вот возвращаемся домой.

Они не заметили, как дошли до дому и остановились у самой двери. Под ними черная река неуемно журчала, обтекая мысок, по оврагу шуршали облетевшие ветки остатками сухой листвы, и они стояли, обнявшись, и целовались, а в ушах у них, не переставая, медным звоном оглушительно и торжествующе гремели мексиканские гитары.

Мягким, точно просительным движением она высвободилась, подняла с земли палочку и, продев ее в отверстие замка, приподняла скобку двери. Они вошли и остановились в сенях, где было темнее, чем на улице.

— Ведь мне же уходить,— сказал Федотов.

— Это еще завтра будет!

Он шагнул через порог в темноту и сразу наткнулся губами на ее губы, и опять они целовались, пока дыхания хватило, и потом вошли в избу.

— Темно,— сказал он.— Хочешь, я печь растоплю?

— Ну зачем это? У нас керосин есть,— сказала женщина.— В голосе ее он расслышал какое-то сдержанное довольство.— Не такие уж мы несчастные, что без керосина сидим.

Федотов даже зубы стиснул. Это уж хуже любой жалобы было.

Женщина зажгла и поставила на стол лампочку с маленьким фитильком, и после темноты им показалось, что стало совсем светло. Федотов вынул из своего мешка сверток с бельем и жестяную коробочку с мылом, завернутую в полотенце, а все остальное, что было, прямо вытряхнул на стол, ухватив мешок за углы: две целые буханки хлеба с довеском, две консервные банки, кусок сала, обсыпанный солью, и крупные куски колотого сахара.

Все это он небрежно сдвинул рукавом по столу к сторонке, толстыми ломтями нарезал хлеб, одним круговым движением ножа вскрыл банку тушенки и, вытащив из кармана, поставил на стол бутылку водки.

Женщина подала ему кружку и, покойно облокотившись на стол, приготовилась с удовольствием наблюдать, как он будет есть.

Он положил перед ней нож, подвинул к ней банку и, налив до половины кружку водкой, сказал:

— На, выпей!

Женщина нерешительно приняла у него из рук кружку.

— Лучше не надо,—попросила она.—Я ведь совсем не умею.

Он подцепил ножом и вывернул все содержимое консервной банки в глиняную мисочку и тоже пододвинул к ней.

— И сразу закусывай.

Она отхлебнула маленький глоток, точно очень горячий чай, и, вздрогнув, передала ему кружку.

Он долил кружку доверху, выпил, с шумом выдохнул воздух и закусил коркой. Минуту они молча смотрели друг на друга. Он сказал:

— Чего теперь я тебе стану говорить или, может быть, обещать — ты больше не придавай никакого значения. Это я все спьяну буду врать. Поняла?

— Ладно,— сказала она, подумала и вдруг засмеялась.

— Это я тебе серьезно говорю! Чего смеешься?

— Я не смеюсь,— продолжая смеяться, проговорила женщина.— Ты говорил — я чуднáя. А ты сам не чудной?

Девочка заворочалась, похныкивая во сне, повернулась и, морщась на свет, с зажмуренными глазами потянула быстрыми, короткими вздохами носом воздух, как принюхивающаяся собачонка.

— Спи, спи,— сказала тихонько женщина, но девочка приподнялась на локте и заморгала.

— Вкушно пахнет,— почмокивая, пробормотала она.— Хлеб принешла? Сейчас уже жавтра?

Федотов взял бутылку и поставил ее под стол.

— Ну, чего ты смотришь? — строго сказал он женщине.— Дай же ей, видишь, проснулась!

Женщина разрезала пополам ломоть хлеба, положила и тщательно размазала ножом сверху немного тушенки и отнесла девочке. Та сразу совсем очнулась, схватила хлеб обеими руками и приоткрыла узенькие спросонья, веселые серые глазки. Откусила и, подставив снизу ладошку лодочкой, чтобы чего-нибудь не уронить, стала есть. Глаза у нее опять сейчас же почти закрылись.

— А мальчишкам? — спросила она и, не оглядываясь, толкнула локтем брата.

Маленький выполз из-за ее спины и с сонным любопытством снизу заглянул ей в рот. Старший тоже проснулся и смотрел, но не шевелился.

Федотов торопливо намял на два ломтя тушенки и подал их матери. Та в двух руках осторожно отнесла к печке и раздала мальчикам.

— Спасибо,— стеснительно сказал старший и спрятался в темный угол.

Пока дети ели, женщина спокойно сказала солдату:

— Да ты выпей еще, ведь тебе хочется.

Но он даже не посмотрел в ее сторону, сидел, уставясь на огонь лампочки.

Дети наелись, повозились немного и, пошептавшись под одеялом, снова затихли и уснули.

— Ну, что ты мне хотел говорить, чтоб я тебе не верила? — спросила женщина.

— Иди, ложись, устала, наверное.

— Это как же: верить тебе или нет?

— Верить. А я еще посижу, покурю.— Он достал бутылку, вылил остаток в кружку, выпил и закусил кусочками хлеба, вминая их в соль, осыпавшуюся с куска сала.

Она ушла за занавеску. Ему слышно было, как она снимает курточку, как звякает о табуретку пряжка пояса. Потом только тихо шуршало и несколько раз шевельнулась занавеска, отодвинутая локтем. Мягко захрустел сенник, женщина легла и сказала:

— Спокойной ночи.

Федотов курил, глядя на огонек, и все думал, и вдруг рассмеялся почти беззвучно, с закрытым ртом.

— Что ты? — сейчас же чутко спросила женщина.

— Бурчит! — насмешливо сказал Федотов и опять рассмеялся про себя. Он слегка захмелел.—Не понимаешь? В пузенках ихних бурчит, поняла? Налопались и забурчали. Выдающийся я идиот своей жизни! Ну, скажи, пожалуйста, куда это меня заносит? Я же в деревню шел. Я сейчас был бы давно уже пьян, пирогов бы наперся и спал на печи без задних мыслей. А заместо такого превосходного удовольствия я вот тут сижу и слушаю буркотню в пузах у твоих рыжих чертенят. Дурак я или нет?

— Дурак, конечно... А я рада даже, что поглядела, какой ты бываешь, когда выпьешь...

— А какой? Свинья не свинья, человек не человек, так что-то...

— Нет, ты как ребенок делаешься...

Девочка поднялась, сползла на животе с печки, подбежала к двери и затопталась на месте.

— Ой, темно там, боюсь...

— Сейчас встану, погоди!

— Беги,— сказал Федотов.— Я выйду, в дверях постою.

— Скорей только,— сказала девочка.

Она выбежала, а Федотов следом за ней вышел, захватив с собой пустую бутылку. Отойдя подальше, он зашвырнул ее в реку. Девочка впереди него вскочила обратно в избу, прошлепала босыми ногами по полу, нырнула за занавеску и залезла к матери под одеяло.

Федотов сел на лавку, стянул через голову гимнастерку, швырнул ее на табуретку и опять рассмеялся.

— Можно гасить электричество? — насмешливо пробормотал он чуть хмельным голосом.— Ну что же, это все правильно, очень даже все распрекрасно!

Женщина поправила одеяло, повыше укрывая девочку, и бережно обняла ее тонкой, загорелой до локтя рукой.

Утром, сквозь сон, Федотов слышал гудение пылающего хвороста в печи и запах печеной картошки.

Ему припомнилось все вчерашнее и все те-

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

перь показалось как-то неловко, предстало в другом, таком скучном свете, что даже глаз не хотелось открывать.

Кто-то, сдерживая дыхание, сопел над самым его лицом, потом маленький палец притронулся к его веку.

Девочка приоткрыла пальцем ему глаз и сказала:

— Не спит!

Он увидел у самых своих глаз веснушчатый нос и внимательные серые глаза.

— Вштавай картошку ешть!..— весело сказала девочка.

Федотов нехотя сел, протянул руку и не нашел гимнастерки и брюк на табуретке.

— Еще не прошохли...— объяснила девочка и показала на веревку, протянутую около печи, где висела его одежда, совсем мокрая.

— Это кто же все устроил? — с раздражением, чуть не с отчаянием закричал Федотов.— Что за глупости такие!

Девочка испугалась, торопливо стала объяснять:

— Мы тебе поштирали, ты не жлишь, они вышохнут...— И так как он молчал, стиснув зубы от досады, она с фальшивым сочувствием вздохнула.— Тебе шегодня нельзя уходить. Жавтра вышохнут, хорошо?

Федотов рывком запахнул на себе шинель, надетую поверх белья, натянул сапоги и сел, угрюмо привалившись спиной в угол, глядя, как вода с гимнастерки капает на пол.

— И кто это вас просил? Зачем вы это сделали? А?

— Ну, я говорил, говорил... маму надо сначала спросить,— с раскаянием сказал старший мальчик.

— Чертенята,— пробормотал солдат.

— Ну вы-шшохнут! — плаксиво протянула девочка.

Немного погодя в избу забежала мать, раскрасневшаяся и оживленная после работы на перевозе.

— Вот погляди,— сказал Федотов.— Твои что натворили, оставили меня без порток сидеть!

Женщина метнула глазами на сохнущую одежду, на ребят и всплеснула руками, прикусив губу. Она показалась ему еще гораздо милее, чем прежде, но от этого все становилось только глупее и обиднее.

— Кто это сделал? — угрожающе спросила она, и девочка безутешно разрыдалась.

— Мы все,— твердо сказал старший.— Мы все помогали.— И с отчаянием посмотрел прямо в глаза Федотову.

— Ладно,— морщась, сказал Федотов.— Все равно бранью штаны не высушишь. Ты же мне говорила, что картошка поспела, так давай. Ну!

— Не хочу! — отталкивала его руку девочка.

Через минуту все улеглось, и они сидели все за одним столом. Очень смешно, просто как одна семья. У Федотова оставалась еще банка консервов. На обертке в красках были изображены сосиски в натуральную величину. Он вскрыл ее ножом и вывернул сосиски в миску.

— Тебе самому на дорогу нужно,— сказала женщина.

— Э-э,— сказал он.— Мне только до деревни, там я сыт, пьян и нос в табаке.

Мокрую одежду повесили перед огнем. Женщина, чтоб успокоить его, сказала, что немного погодя все можно будет подсушить утюгом. С перевоза закричали, вызывая паром, женщина ушла, доедая на ходу, и Федотов остался один с ребятами.

Он устроился перед огнем, чтоб следить, как идет сушка его мокрого обмундирования. Ребята столпились вокруг. Оба маленькие стояли рядом, привалившись к нему с двух сторон, а старший с готовностью отвечал на все его расспросы, очень подробно и толково. Все они чувствовали себя виноватыми и теперь немножко подлизывались, и видно было, старались ему понравиться изо всех сил.

Он узнал, что старшего мальчика зовут Эрька, настоящее его имя Эрик, а девочку Соня, так же, как и мать. Среднего мальчонку, казавшегося самым младшим, звали Гонзик, хотя это вовсе не было его настоящее имя. Оказывается, в какой-то детской книжке ребята видели картинку: робкий мальчик, съежившись, прячется от разбойников или от людоеда, они уже и сами не помнили. Но малыша звали Гонзик, и им это имя показалось очень подходящим для брата. Так за ним и осталось: Гонзик.

Федотов все это терпеливо выслушивал, улыбаясь странной мысли: он до сих пор даже не спросил, как звали женщину; значит, так: Соня.

Эрька рассказал, как они бежали от бомбежки, какой был хороший дом, где они жили: бабушкин и дедушкин. Потом, как плохо было ехать, как они ужасно устали все ехать и ехать и мечтали спрятаться хоть в каком-нибудь сарае и подождать, пока кончится война.

Федотову неловко было спрашивать про отца, но они сами наперебой рассказали, что папа привез их сюда, устроил при пароме, а после ему пришлось уехать, и теперь он где-то далеко работает и пока не может их взять, но потом он устроится очень хорошо и выпишет их к себе.

Рассказывали они это все какими-то чужими, одинаковыми словами — видно, точно, как в письмах все объяснял отец. Федотов заметил, что возвращение они себе представляют так: война кончится, и все они поедут обратно в их старый дом в родном городке на побережье Балтийского моря.

Гонзик с Соней все это повторяли, как попугаи, а старший все время мучился неловкостью, понимая, что тут что-то не так. Он подробно, с жаром расспрашивал, как стреляют танки, и потом стал сбивчиво уверять, что папа тоже очень хотел пойти на фронт, чтобы помочь прогнать фашистов.

— Он только из-за нас не пошел и из-за мамы, потому что нас у него так много и ему надо обо всех нас думать...— И, опять понимая, что что-то не так, добавил, что папа присылает им деньги. Малыши тут же с полным знанием выложили, сколько он присылает, и видно, что старшему неловко, что денег так мало.

К тому времени, как его брюки немного подсохли и он, работая утюгом, выпарил из них наполовину влагу, он уже знал в подробности, сколько у них запасено картошки, и какие у них одеяла, и сколько у них глиняных кружек, и как удобно, что какой-то дедушка Дровосекин, который все ругается и плюется, одалживает им пилу и сам помогает пилить.

Наконец Федотов натянул кое-как сырую гимнастерку, оделся и собрался уходить.

Все, что оставалось съестного, он оставил на столе, сказал, что ему ничего не нужно, он уже почти дома. Дети, скрывая радость, испуганно уговаривали его взять что-нибудь с собой, но он только отмахивался.

Когда он затягивал свой почти пустой мешок, девочка деловито ему напомнила:

— Ты шмотри, швою баночку не пожабудь!

Он даже не понял, про какую баночку идет речь.

— Ну вот эту, крашивую! — Девочка подала ему пустую жестянку с розовыми сосисками на обертке.

— Попрошайка,— сказал Эрик.

— Может, тебе пригодится? — сказал Федотов серьезно. Это было вовсе не смешно, он уже понимал, что тут за жизнь.

— А когда ты опять придешь? — спросила девочка.

— Отобьем башку Гитлеру, тогда к вам приду в гости.

Старший невесело, сдержанно улыбнулся, понимая, что это может скорей всего значить «никогда». «После войны» тогда звучало, как «через десять лет», но девочка этого не понимала. Удовлетворенно кивнув, она сказала на прощание:

— Только пошкорей, ладно?

Федотов вышел к парому и подумал, что, наверное, это уж теперь в последний раз. Сверху, под гору, клюя носом на ухабах, осторожно спускался грузовик. Он дождался парома и следом за машиной вошел на дощатую палубу, как сутки тому назад.

Зажурчала вода, обтекая тупой нос парома. С середины реки открылось опять знакомое устье при впадении в Волгу, и стал надвигаться берег.

— Счастливо погулять,— тихо сказала женщина.

— Счастливо,— сказал Федотов, чувствуя какое-то отупение.

Грузовик был попутный, до Поливен, и он перелез через борт, когда тот начал съезжать на берег. С натужным воем машина выползла на крутой подъем берега. Федотов решил не оглядываться и больше не думать, но все-таки оглянулся разок. Паром был опять на середине реки. Женщина в своей туго подпоясанной курточке тянулась вперед и медленно отгибалась назад, цепко упираясь ногами в доски палубы...

Через час Федотов уже сидел за столом в доме у своего двоюродного дяди, председателя колхоза, окруженный дальними родственниками и бывшими соседями, которые помнили его еще парнем, до ухода на завод в город. Ему тащили на стол угощение, рас-

спрашивали про войну, про родных и знакомых солдат, и он уже поднимал в граненом стаканчике мутноватый самогон и пил, не хмелея, рассказывал и здоровался со вновь входящими, изредка узнавая подростков, а больше девчонок, которые уже успели повыходить замуж и родить ребят, а некоторые уже и овдоветь. Он припоминал имена и без конца здоровался и отвечал на приветствия, целовал в жесткие, шершавые, как древесная кора, щеки старушонок, помнивших, как он родился и как умерла его мать, и среди легкой хмельной мути и всех имен пробивался тоскливый стук щемящего напоминания: какой-то Гонзик, и шепелявая маленькая Соня с консервной банкой, и пустая изба, и подпоясанная курточка, и всего два мешка картошки, запасенные на голодную, долгую военную зиму. И он опрокидывал еще стаканчик, и — будь оно проклято — вся эта путаница прошлого дня опять незаглушаемо, требовательно стучалась сквозь шум разговоров и мутную пелену самогона.

Среди ночи с того берега реки загудела машина, вызывая паром. Женщина привычно протянула руку, нашла на ощупь куртку и юбку, влезла ногами в резиновые сапоги, засветила жестяной фонарик и, застегивая на ходу пояс, вышла в темноту.

После тишины и теплоты сна ее сразу обдало шумом дождя и мокрого ветра. Желтые листья, намоченные дождем, летели навстречу, прилипали к лицу, к стеклу фонаря.

Добравшись до парома, она оттолкнула его от причала, повесила фонарь на гвоздь и взялась за канат. Ветер быстро выдувал все тепло, накопленное в постели. Сперва похолодели лицо и колени, еле прикрытые юбкой, потом остыло все тело.

Машина ждала, светя желтыми огоньками подфарников. Когда паром подошел ближе, ожил, заработав, мотор и вспыхнули фары, освещая неспокойную воду и канат, с которого капала дождевая вода. Водяная пыль, попадая в яркий сноп света, оживала, косо проплывая книзу, и исчезала, становясь невидимой.

Машина, тяжело придавливая доски, въехала, качнув паром. Фары погасли. Знакомый голос водителя поздоровался с ней из черной темноты, наступившей после яркого света.

Чьи-то руки взялись за канат. Скоро снова проступил в темноте свет фонарика с мокрым листом лимонного цвета, приставшим к стеклу. Когда глаза совсем привыкли к полутьме, она различила плечо, затылок и фуражку тянувшего в двух шагах от нее канат человека и узнала Федотова.

Она долго ничего не могла выговорить, потом все-таки как-то смогла:

— Что же так рано в город? Ведь еще семь дней гулять.

— Сосчитала? — спросил он, не оборачиваясь. Водитель его окликнул, и они о чем-то заговорили вполголоса. Машина съехала на берег, хлопнула дверца кабины, и они еще о чем-то говорили в кабине с водителем, потом мотор заревел, разгоняясь на подъем, и все стало тихо. Она стояла одна. Лимонный листик на стекле просвечивал сквозь водяную пыль.

Она точно оглохла и ослепла, только чувствовала всю массу пустой и влажной тьмы вокруг одинокого огонька фонаря. Она все еще не решалась окликнуть его, потому что тогда надеяться уж будет не на что.

— Ты здесь? — спросила она, как можно спокойнее. Никто не ответил, и по самому звуку своего голоса она поняла, что стоит тут одна. Вдалеке на подъеме еще уходят, покачиваясь, два ярких снопа голубого света, а она стоит одна на дне оврага, точно на дне моря, и вокруг тысяча верст дождя, темноты, безлюдности и мокрого ветра.

— Тебя... Тут н-нет?.. — беспомощно заикаясь, спросила она в пустоту и ответила: — Нет!.. — И, согнувшись от боли, легла на перила грудью, почти сползла на землю и, наверное, упала бы, если бы что-то ей не помешало, не остановило: обветренные, жесткие губы торопливо прижимались к ее мокрым щекам, руки обнимали, поднимали ее, и его голос испуганно повторял:

— Ну, что ты?.. Что с тобой?..

И когда она начала все понимать и, крепко ухватившись за плечи, прижалась к нему, он, гладя ее волосы, нежно усмехаясь, сказал:

— Ну, чего ты? Здесь же я!.. Куда дураку деться? Здесь!..

Держась друг за друга, боясь хоть на минуту опять потеряться в темноте, они добрались до двери и вместе вошли. Их обдало волной сухого тепла от натопленной печи, и у обоих было одинаково ясное чувство, что они возвращаются после долгой разлуки в свой родной дом, где прожили всю жизнь. И всю ночь после этого, когда они лежали рядом за ситцевой занавеской на ее узеньком сеннике и по стеклу стучал косой дождь и порывами шумели по оврагу деревья на ветру, им все время казалось, что позади у них длинная, общая хорошая жизнь и никого они не знали, кроме друг друга, и только позади была непонятно долгая разлука, которая теперь кончилась, и они опять вместе, навсегда. И когда Соня, он впервые назвал ее по имени, начинала тихонько плакать, он ее не останавливал, а только гладил по лицу — после такой разлуки даже чудно было бы не поплакать от радости...

Под утро он заснул на тюфяке у печки. Ребята стелили ему здесь каждый вечер в своем нелепом ожидании его возвращения и ни капельки не удивились, увидев, что он вернулся. И смешно и чем-то приятно это ему показалось.

Девочка расставляла миски и кружки на покрытом газетой столе. Гонзик сторожил печь. Потом пришли вместе Эрька с матерью, таща охапки холодного хвороста. Маленькие сели за стол и схватились за ложки в ожидании еды.

— Кто с грязными мордами за стол садится! — весело крикнула женщина. Она раскраснелась с холода, была веселая, даже голос у нее был счастливый.

Ребята, все трое разом, схватившись за волосы, испустили вопль неправдоподобного отчаяния, изобразили безутешные рыдания и, с хохотом подхватив серое полотенце и коробочку с мылом, побежали к реке мыться.

— Доброе утро,— сказала Соня и поцеловала его холодными ласковыми губами, и это было опять так, как будто после разлуки у них началась долгая, семейная, совместная жизнь.

Она, стоя в дверях, смотрела ему вслед, когда он шел следом за ребятами к берегу реки — умываться. Вода была ледяная, но оба мальчика, видя, что солдат снял с себя рубаху и моется голый до пояса, стащили, стуча зубами, рубашонки и вымылись, как он. Потом все они побежали к дому.

За едой разговор шел спокойный, хозяйственный. Федотов рассказал, что договорился у себя в Поливнах с председателем «поставить на ноги» старый, изношенный трактор. Работы много, но успеть можно. А за это председатель заплатит пшеницей.

— Значит, опять уходить? — спросила женщина, опустив глаза.

— Еще подводу даст, дров привезти. Что ж делать? Как вы тут без запаса зимовать сядете?

— Я понимаю,— сказала Соня.

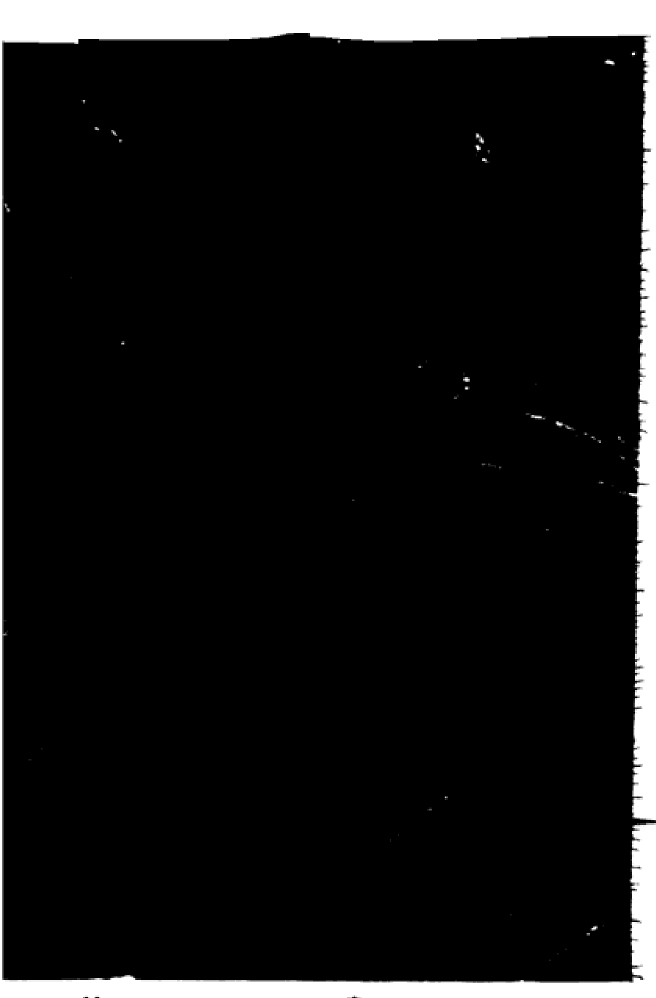
Федотов сказал Эрику:

— Слушай, а ты хочешь со мной на ремонт? Помогать будешь. И кормить нас будут, как мастеров, а?

Рыжий Эрик просиял всем худощавым веснушчатым лицом и испуганно уставился на мать: пустит ли? Но та все поняла по-своему, покорно улыбнулась:

— Ладно, будет у меня залог, значит? Идите.

Они уехали с попутным грузовиком тем же утром и не возвращались трое суток.

На четвертые сутки Федотов вернулся один, поздно вечером, пройдя всю дорогу после работы пешком. Он очень устал и, скрывая вернувшуюся боль вокруг незажившей окончательно раны, сидел, курил и улыбался у натопленной печи, при свете знакомого фитилька в лампочке. Даже обгоревший уголок с одного края был ему знаком, казался своим, домашним.

Женщина, обнимая его колени, сидела около него прямо на полу, снизу глядя в глаза. Девочка со слипающимися глазами приподнялась на локте, нюхая воздух, что-то успокоенно пробормотала и как подкошенная упала опять лицом в подушку.

Соня улыбнулась:

— Слышит, табаком пахнет. Вот ей и спокойно, значит, мужчина в доме.

Слова эти показались ему самыми простыми, и он тоже улыбнулся. Потом, много времени спустя, они показались ему странными и двусмысленными.

Еще до света он ушел снова. Боялся не поспеть закончить.

В последний день они вернулись вдвоем с Эриком, привезли мешок пшеницы и мешочек пшена, оба гордые заработанным богатством, которое еле дотащили до дому от машины.

Помимо того, Федотов привез еще две бутыли самогона, но пить не стал. Деловито объяснил, что надо их сменять на толкучке на что-нибудь полезное — ватничек для Эрьки или на что удастся.

Оставалась еще только одна последняя ночь до утра, когда ему надо было уходить на пристань к пароходу.

И когда они в этот последний раз лежали вместе за занавеской, все оглядываясь на темное окошко, боясь, что уже начинает светать, они испытывали всю горечь разлуки близких людей после долгой жизни, и это окошко и угол за занавеской были для них самым желанным и счастливым местом на земле.

Федотов с тоской думал, как они, четверо, останутся тут одни, а Соня думала с тоской и страхом, что ожидает его на войне. Она заставила рассказать, как его ранило, какая была операция, и его полушутливый рассказ казался ей все равно таким ужасным, что она расплакалась. Влажными от страха пальцами она, едва касаясь, ощупала большой грубый шов, тянувшийся от груди вкось к животу. Отталкивая его сопротивляющиеся руки, откинула одеяло, сползла ему в ноги и сквозь стиснутые зубы, постанывая от нежности и боли, целовала слегка припухшую полосу длинного шва и пятна кнопок по сторонам, что-то невнятно приговаривая, точно заклиная, чтоб зажило, перестало болеть.

Умоляюще и требовательно шептала, прижимаясь, горячо дыша ему в щеку:

— Ты мне одно только слово должен дать: если тебя искалечат ужасно как-нибудь, ты тогда все равно возвращайся ко мне, оставайся со мной навсегда, слышишь? Я взяла у тебя слово, ты дал!..

Наутро после заморозка светило солнце, седая от изморози трава оттаивала и блестела, как после ливня. Федотова проводили всей семьей до самой дороги и поцеловались по очереди на прощание. Дорога уходила в гору до блеска накатанными глянцевитыми колеями. Федотов уходил ровным небыстрым шагом, а женщина смотрела ему вслед. С большого дуба с шуршанием, как медленный дождь, опадали листья, после мороза пригретые солнцем.

На подъеме Федотов остановился, поднял руку, махнул и скрылся за бугром. С другого берега уже кричали какие-то пешеходы, подзывая паром, а она все стояла и слушала, как равномерно, точно дожидаясь своей очереди, с верхушки срываются и, цепляясь за ветки, слетают один за другим шуршащие большие листья.

В воздухе чувствовалось уже приближение морозов, дыхание готового выпасть снега, надвигалась последняя военная зима...

Была середина лета, и война и морозы остались далеко позади, когда Федотов, только что вернувшийся в город, подходил к старой переправе. Высокая трава вся стрекотала от кузнечиков и жарко пахнула летом. На ровном лугу среди травы лежали связанные первые венцы нового сруба, и плотник в военной гимнастерке со споротыми погонами тесал бревно, посвистывая и щурясь на солнце.

Федотов шагал быстро и ровно, как в строю, но чем ближе был последний пригорок, тем нетерпеливей стучало сердце и тем убыстрялся у него как-то сам собой шаг. На пригорок он почти взбежал и глянул вниз, на речку.

Парома не было видно. Неподалеку через речку был перекинут деревянный мост-времянка. Изба паромщика стояла брошенная, нежилая. Даже дверь не была прикрыта и стеклышки маленьких окон выбиты.

Он спустился под откос, напрямик, без дороги, и, не ожидая ничего, вошел в дом. Бабочка металась по комнате, ища выхода.

На стене в том месте, где когда-то стоял стол, остался обрывок когда-то наклеенной картинки: розовые сосиски в натуральную величину.

Он оглядел все отчужденно, без волнения. Нет, ничего не остается в доме, когда люди ушли. Ни в старинных замках с их картинными галереями, ни в этой избе с сосисочной картинкой. Жизнь гаснет, едва уйдут люди... А уж он-то повидал за эти годы и брошенных землянок и замков!

Теперь у него оставался только адрес какого-то Дровосекина, бывшего квартирохозяина. Федотов взялся за ручку чемодана и зашагал обратно в город, мимо плотника, строившего на припеке прямо на лугу новый дом.

Переулок он нашел без труда. Мальчишки, с суровым уважением оглядывавшие его куртку танкиста и медали, не знали номера дома, но, оказывается, не только знали Дровосекина, но даже знали, что его дома нет: он в этот час «гуляет», то есть сидит на бульварчике над Волгой.

Федотов следом за ними вышел на высокий, огороженный железной решеточкой берег, круто обрывавшийся к воде. Тут сидел среди пыльных акаций старик с высоким загорелым лбом и смотрел на пустынную Волгу, скрестив ладони на корявом посошке.

Федотов поставил чемодан, поздоровался, присев рядом, спросил, не знает ли тот что-нибудь про Соню и ребятишек.

Старик оглядел его с ног до головы с такой брезгливой подозрительностью, точно надеялся увидеть на нем какую-нибудь гадость.

— А тебе это к чему?

Федотов, не отвечая, спокойно продолжал расспрашивать, и старик нехотя наконец процедил:

— Живут!.. Ничего живут. Плохо, конечно, живут... А тебе-то, главное дело, что за забота? Ты сам-то кто будешь?

— Дедушка,— терпеливо проговорил Федотов, закуривая для спокойствия.— Мне бы только их адрес, а все остальные вопросы мы как-нибудь выясним без посторонней помощи. Можете оказать такую любезность насчет адреса?

— Не будет тебе от меня никакой любезности,— вдруг набросился на него Дровосекин.— И не дожидайся... Какой!.. Нет, я, брат, за баловство никого не хвалю. Вашему брату это баловство. А я ее жалею, вот что! — Старик совсем разошелся, разбрызгался, чуть не захлебывался от злости.— Явился! Я, брат, вижу, ты из каких, очень понимаю!

Федотов бросил папиросу, взял новую и подставил коробку старику.

— Не нуждаюсь я в твоих папиросках.— Старик с ненавистью плюнул себе под ноги, взял папиросу и спрятал в боковой карманчик пиджака.— Нужны мне твои закурки очень!

— Ну, так из каких?

— Из таких...— Старик угрюмо помолчал, немного поостыв, но видно было, что он только дожидается, когда у него снова закипит внутри. И верно, ждать оказалось недолго. Скоро он опять вскипел, заболтал, заплевался.— Из таких вот, которые туда шлялись, вот ты из каких... Повадились которые!

— Куда же это мы повадились? — медленно спросил Федотов.

— На перевоз повадились!.. Жила женщина одиноко, ничего жила, как надо, а потом эта солдатня и пошла и пошла... Конечно, бабье дело одинокое, да еще на отшибе, как в лесу, на перевозе, а похвалить за это нельзя... А солдатов этих, вроде тебя, я тоже не хвалю, нет. Тот поночевал, этот поночевал, и с вас взятки гладки... И ее жалко, но сочувствовать я тоже не могу, сама виновата.

— Дедушка,— пристально глядя вверх на облака, похожие на стеганную синими стежками пуховую перину, дружелюбно проговорил Федотов.— А с вами не бывает, что вы от вашего такого мухоморного характера можете набрехать зря на человека? Как вы считаете?

Неожиданно эти слова оказали на старика удивительно успокаивающее действие. Он расслабился, вздохнул и заговорил торопливо и озабоченно:

— Глупый ты человек. Глупый. Кабы я от злости, а то ведь я от жалости. Ты сам рассуди: вот ты заехал сюда на побывку. Другой еще заедет, может. А для нее что получится? Опять все сначала? А у ней муж. Детям законный отец. И какая у тебя должна быть совесть, чтобы в это дело соваться пятой спицей в колеснице? Ну, подумай.

— Муж?

— Муж. Приехал. Понял?.. Не показывался бы ты лучше, вот что. По совести говорю. Я не обманываю: приехал муж; конечно, он поинтересовался у людей, как тут она без него, а добрые люди все ему и выложи. Про этих солдат, значит. Ему и обидно. Конечно, это каждому мужику обидно. Вышел разговор. А она даже ни капельки не отпиралась, созналась. Ну, он от нее, конечно, отказался и уехал, откуда приехал. Надулся, как пузырь. Я его тоже не хвалю. Ну ее ты накажи, а ребятишки при чем? Однако уехал, в тот самый день. Он человек очень спокойный, аккуратный... Скорей всего он положительный человек. Хотя, конечно, кобель бессовестный. Но деньги понемножку посылает... И я так ей внушаю, чтоб она жила теперь по-хорошему и на него надеялась... А тебе бы лучше ее не сбивать. Возьми да уезжай... Все, глядишь, и наладится... Ну, я обедать пошел, время.— Он встал и вдруг обиженно закричал, что все это не его дело и он ничего знать не хочет. При этом он сверлил палкой, вдавливая наконечник в землю, точно добирался до чего-то спрятанного, что хотел раздавить, и все не уходил, поглядывая исподлобья.

— Ну, что ж ты адрес-то не спрашиваешь?

— Да, правильно, адрес,— сказал Федотов.

— Адрес у них мой. Я им квартиру сдаю... Жильцами пустил. Плату им назначил — за месяц. Они каждый месяц в срок приносят. А я им тогда прощаю — не беру. Потому что жалею. Да. Не как другие...— И ушел, не прощаясь.

— Так, все понятно,— сказал себе Федотов,

оставшись один. Он поглядел на чемоданы, где лежали аккуратно завернутые три пары детских ботинок, вязаная кофточка и прочая дребедень, которую он вез издалека и все смотрел, чтоб чемодан не стащили, а теперь хоть бы кто взял да унес у него из-под носа, он и пальцем бы не шевельнул. Он откинулся и опять уставился глазами в небо.

Синие просветы расширились, и теперь поредевшие, пухлые облака расползались, как мыльная пена с синего покрывала.

Он не думал ни о чем, не собирался принимать никаких решений. Он долго прожил в нетерпеливом, все нараставшем радостном ожидании, и теперь, точно пружина часов, торопливо отстукивавших у него внутри секунды, остановилась — и часы замолчали.

Всплывали в памяти отдельные слова. Вспомнил, как Соня говорила про дочку, когда он курил в избе: «Она любит, когда мужчина в доме, ей спокойнее»...— и повторял про себя: «Ну что ж; все понятно...». Но и эти слова будто не он сам говорил, а кем-то были подсказаны. Надо было в таких случаях сказать: «Все понятно» — и криво усмехнуться, с презрением и насмешкой. Но усмехаться не хотелось.

На дорожке у себя перед глазами он увидел тоненькие детские ноги в пыльных тапочках. Носки повернуты были прямо к нему, и он невольно поднял глаза и услышал подавленный не то короткий смешок, не то вздох. Рыженькая девочка схватила его за руки, с размаху упала рядом с ним на скамейку, прижалась к нему сбоку, испуганно от радости заглядывая в глаза.

— Ну вот же, я знала... Никто тебя не убьет, я все время говорила: не убьют и приедет! Вот видишь, ты и приехал! — Она тискала ему руки, прижималась сбоку и, наконец решившись, с размаху чмокнула в щеку.

— Сонька,— сказал Федотов, растерянно и виновато начиная улыбаться.— Какая ты стала, а? У тебя и зубы выросли!

— У-у, сколько, гляди! — Она показала зубы.— Что ж ты не здороваешься?

— Здравствуй,— сказал Федотов, целуя подставленную щеку. Девочка выпрямилась, встряхнула головой, кинула искоса взгляд через плечо, где в конце дорожки стояли ребятишки, кажется, те самые, что привели на бульвар Федотова.

Соня заторопила, потащила его за собой, и ему ничего не оставалось делать, как взять чемодан и идти, куда ведут.

Они прошли через пустырь, где стоял гипсовый памятник на деревянном постаменте, раскрашенном под мрамор, дошли до каких-то ворот, за которыми во дворе пыхтела высокая железная труба и слышался стук железа по железу. Издали он увидел бегущего следом за Соней через двор Эрика в замасленной рубашке. Он пробежал весь двор и только в двух шагах остановился и подошел вразвалку, широко улыбаясь. Размахнулся и ударил Федотова рука в руку, как полагается со старым приятелем.

— Здоров! — сказал он сиповатым голосом.

Они обнялись и троекратно поцеловались, и, обнимая его, Федотов почувствовал, какой он еще узенький и щупленький, хотя и жилистый парнишка.

Он вырвал у Федотова из рук чемодан и понес его сам.

Теперь они втроем пошли по тихой улочке, обсаженной запыленными деревьями, прямо по мостовой, все трое в ряд.

По дороге девочка забежала немного вперед и под чьим-то окном торопливо, пронзительно стала кликать какую-то Люську. Вместо Люськи из окна сердито высунулась, обтирая мокрые руки передником, пожилая, растрепанная женщина и спросила, что надо.

— Ах, извините,— фальшиво-вежливым голосом пропела Соня.— Ничего особенного, другой раз забегу!

Женщина даже руки перестала вытирать: так уставилась на солдата и обеих ребят. Просто глаз не могла оторвать, все смотрела, как они втроем, с чемоданом в руках маршируют посреди улицы.

— Ах, так вот оно что...— слегка обалдело выговорилось у нее как-то само собой им вслед.

Девочка услышала и потихоньку дурашливо приквакнула ей в тон.

— Так вот как, так вот как!..

— Ой, дуришь! — сердито морщась, недовольно одернул ее Эрик.

— Я потому, что Люська дразнилась, что я все вру.

Они свернули в дровосекинский переулок и увидели мать. Она стояла против своего дома и тревожно оборачивалась на оба конца переулка, не зная, откуда они появятся.

Они шли втроем прямо к ней, и она уже их видела, но стояла, не шелохнувшись. И Федотов с каждым шагом все яснее видел ее лицо, казавшееся ему теперь новым, чужим и виноватым. «Уже знает, что мне все известно,— подумал он,— и, видно, ждет чего-нибудь самого плохого от меня, может, грубого и оскорбительного. Конечно, все знает. Не только что она, а, видно, уже весь двор знает и ждет, что будет». На окнах шевелились откидываемые занавески. Где-то задребезжало торопливо распахнутое толчком окошко, это он тоже слышал. Из ворот навстречу выплыли две бабы, сложив руки на животах, приготовились соболезновать, негодовать и осуждать, а кого, это там видно будет.

Оставалось всего несколько шагов, а она все стояла, одинокая, виноватая и беззащитная, в ожидании. Он стиснул зубы. Губы были как деревянные, но тут сложились наконец в улыбку, тоже довольно деревянную. Он протянул руки и обнял ее. Она по этому движению все сразу поняла и тоже, едва касаясь, быстро обняла и на минуту прижалась головой к его груди, легким, отчужденным движением, а он едва заметно, ободряюще, чуть похлопывая ее по спине, немножко постоял, и они прошли в ворота мимо обмякших от разочарования баб, прошли через весь двор, где тоже млели от сладкого ужаса ожидания соседки и теперь, видя весело улыбающихся ребят с чемоданом, вдруг заулыбались сами, искренне обрадованные, что все так пошло по-хорошему.

После этого они прожили под одной крышей несколько дней — не чужие, не близкие. Улыбались, ели, рассказывали, даже в кино пошли вместе с ребятами, разговаривали все больше с ребятами, а друг на друга даже смотреть избегали, как бывает, когда один виноват, а другой боится причинить ему боль упреком за его вину.

Федотов с самого начала сказал, что ему нужно ехать подыскивать себе работу по специальности, лучше всего на восстанавливаемый судостроительный завод или в речное пароходство. Соня сразу сказала, что это правильно, и даже торопила его. И каждое слово, самое простое, они понимали каждый посвоему и думали каждый о своем.

И простились они как-то растерянно, не находя простых слов,— не чужие, не близкие.

Окончание следует.

Весь в будущем

Семен **БАБАЕВСКИЙ**

От Казбека до Эльбруса

На груди горы Машук приютился санаторий «Ласточка». Она летит над городом. Внизу лежит весь в зелени и в сизом мареве Пятигорск. Улицы уходят к Подкумку, тянутся к Скачкам.

Была весна. Цвели каштаны. От Машука, куда хватал взгляд, разлилось зеленое море. Зеленая волна плескалась о балкон «Ласточки», увитый виноградными лозами. В погожее утро, еще до восхода солнца, отсюда открываются такие дали и расстилается такой простор, что кажется, будто ты летишь на самолете. И перед глазами, изогнувшись подковой, лежит добрый кусок Кавказского хребта. От Казбека до Эльбруса тянется засыпанный снегом зубчатый гребень.

Когда лучи золотят снега и они то вспыхивают, загораются пламенем, то ослепительно блестят, картина видится величественная и необычайно красочная. Хочется смотреть и смотреть на ледниковый гребешок... И я понимал, почему Федор Иванович Панферов обычно поднимался рано, до восхода солнца, закуривал папиросу и выходил на балкон. Стоял и часами, как зачарованный, смотрел на окрашенные лучами сахарные зубцы.

— Удивительно, как точно отлиты формы и такие даны пропорции,— говорил он, не отрывая взгляда от хребта.— И обо всем позаботилась природа. Красиво поднимаются горы, такая картина и художнику не под силу: трудно подобрать краски. И удивительно то, что у каждой вершины свои особенные контуры. У одной, как у Эльбруса,— папахи, только они острее, у другой — седло, даже торчат луки, у третьей вид бурки, поставленной на попа. Нет, не спутаешь одну вершину с другой. И главенствуют над ними великаны — Казбек и Эльбрус. Они-то у мира на виду. Их величают, о них слагают песни. Между ними теснятся их младшие братья и сестры — горы поменьше, а есть и вовсе невысокие. И все они тянутся к Эльбрусу и к Казбеку, хотят быть похожими на них. Вот хотя бы та вершина, что стоит особняком. Тоже в ледяном панцире, и шпиль у нее, как у Казбека, острый, а высота... Или те, что образуют собой зубчатую стену. Их ледники тоже горят на солнце, а только блеск не тот... Но все вместе горы создают Кавказский хребет, и мы любуемся им и не можем налюбоваться.— Федор Иванович закурил, помолчал.— Так и у нас в литературе. Разные есть вершины — и высокие и низкие. Имеются у нас свои Эльбрусы и свои Казбеки — таланты яркие, и они радуют. И стоят, как Казбек и Эльбрус, у всех на виду, и почесть им от людей великая, и благодарность — от всего народа. А рядом, как эти вершины, что пониже, идут другие писатели. Талант у них поменьше, но и у них есть и своя высота и свои контуры, и они нужны людям. Вместе мы — сила, и сила большая! Допустим, стоит один Эльбрус, а вокруг — пустыня. Нет ни величия, ни красоты. И как нет без малых вершин Кавказского хребта, так без всех нас, писателей больших и небольших, нет литературы...

— Федор Иванович,— с улыбкой спросил лечащий врач,— а та вершина, что именуется Панферовым, где она?

— Где все,— ответил Федор Иванович, любуясь горами и о чем-то своем думая.— Ищите ее среди тех многих вершин, что выстроились в длинный ряд — от Казбека до Эльбруса.

Рукопись и авторы

...В те годы я был заместителем главного редактора журнала «Октябрь». Мне чаще, нежели в иное время, приходилось встречаться с Панферовым и видеть, как он относится к рукописи и к ее автору.

На просторном столе заведующего отделом прозы — гора папок с романами и повестями. Папки толстые, папки тонкие. Федор Иванович развернул одну, вторую, третью и спросил:

ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ПАНФЕРОВА. **Илья Глазунов.**

ПОРТРЕТ (фрагмент).

ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ.

ПОРТРЕТ АКТРИСЫ.

ДОЯРКА ВАЛЯ.

— Это что за склад?

— Почта за неделю. Не успеваем читать.

— Плохо! Человек послал нам свое самое дорогое сокровище — рукопись. А мы, видите ли, не успеваем читать. Нехорошо! К примеру, этот роман сколько дней лежит на столе? Вижу: больше недели. Папки молчат, не протестуют. Им трудновато лежать на столе, а они лежат и помалкивают. А если бы вместо бессловесных папок тут были сами авторы? Что бы они сказали? Если мы постоянно будем помнить, что за каждой рукописью стоит человек и что тот человек ждет от нас ответа, надеется, верит, тогда мы успеем все сделать...

Федор Иванович уже был тяжело болен. Но болезнь, казалось, удвоила его заботу о тех, кто обращался к нему за помощью. Казалось, никогда еще он не был так озабочен судьбой рукописи и судьбой ее автора. «Как поживает наш волжанин? Что-то долго молчит. Напишите ему или позвоните,— говорил он.— Позвоните сегодня, спросите, как у него с романом. И я скажу ему два слова».

Как-то я показал ему рассказ молодого прозаика Юрия К. и сказал, что у тех, кто читал рассказ, мнения разные: одним нравится, другим не нравится. Рассказ был небольшой, Федор Иванович тут же прочитал его и спросил:

— И давно лежит в папке?

— Да порядочно.

— Жаль! Хороший же рассказ! Пригласите ко мне автора...

Рассказ был напечатан.

Федор Иванович любил повторять: «Талант — это наше богатство». Или: «Ищите талант не на собраниях, не на трибунах, а в рукописях». Это он и делал. Обычно на дачу он увозил кучу романов и повестей. Брал без разбора, какие попадались под руку, и они у него не залеживались. «Вот пороюсь в папках,— говорил он с улыбкой,— может, и попадется на счастье золотой слиток».

Прочитать столько рукописей — труд, и труд не маленький. Через неделю прочитанные рукописи он привозил в редакцию, возвращал в отдел и говорил:

— Обидно! Золотого слитка пока не отыскал, а вот крупицы золота есть! Это товарищ из Уфы: узнать бы, сколько ему лет. Если молод, то молодец. Имеет свой голос, правда, поет еще негромко и частенько фальшивит. Этому, из Ростова, я написал письмо — пошлите рукопись и мое письмо. Этого, из Куйбышева, пригласите в Москву. Интересно пишет, идет от Горького. Необходимо с ним поговорить... Этот романище не годится. Совсем слабый. Пухлый, а без единого мускула. Обидно, что человек взялся не за свое дело. Так и напишите автору... А вот эту повесть рекомендуйте издательству. Хорошо бы «Молодой гвардии». Я сам сделаю...

И делал. Часто делал.

Однажды позвонил мне с дачи и сказал:

— Радуйся, Семен!

— Что случилось, Федор Иванович?

— Есть слиток! Помнишь, рукопись Николая С.? Прочитал, и ты знаешь, что такое? Талант! Правда, еще не окрепший, но талант! Так что вези ко мне Николая. Дай-ка на него посмотреть! Знаю, знаю, что он не в Москве. Пошли телеграмму, пусть приедет. Талантливый же парень! И хотя сидят в нем и Бунин, и Гоголь, и Тургенев — это ничего. Все это со временем отпадет. Главное есть — чувство слова... Так что вези сюда Николая С.

Я послал телеграмму. Вскоре автор прибыл в Москву, и мы отправились на Николину гору к Панферову.

Федор Иванович нас ждал. Вышел из дома, поздоровался и сказал:

— Так вот ты какой, Николай!

— Что, не похож на себя? — спросил Николай.

— В том-то и дело, что не похож. Читал твою повесть, и мне казалось, что автор ее — белобрысый паренек. Почему белобрысый? А шут его знает! Так казалось! Ты же и чернявый, да и ростом тебя бог не обидел. Ну, проходи, Николай! Проходи, дружище!

Беседа затянулась до полуночи. Мне не раз доводилось присутствовать при подобного рода разговорах, и я замечал, что Панферов питал к Николаю какое-то особенное уважение. Собеседники говорили не только о повести, а о жизни и литературе вообще, о мастерстве писателя. Я слушал их, смотрел на них, и мне казалось, что отец и сын встретились после долгой разлуки, и оба были рады встрече.

ПОРТРЕТЫ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Пять лет назад в Центральном Доме работников искусств была устроена выставка работ Ильи Глазунова, завоевавшего первое место на всемирном конкурсе молодежи в Праге картиной «Юлиус Фучик». Выставка имела большой успех.

Самая острая и действенная связь художника с современностью — изображение современника. Я видел, как Глазунов с натуры писал портрет космонавта Юрия Гагарина. Ему удалось создать впечатляющий образ советского Икара с небесными, добрыми глазами. Образ героя лиричен и светел, и все же перед нами человек, совершивший необыкновенный подвиг. Гагарин с удовольствием поставил под этой работой художника свою подпись.

Хороша серия портретов колхозников, созданных Глазуновым. Лица людей озарены внутренней красотой; художник разобрался не только в их облике, но и в характере. Он нашел внутреннюю силу в этих простых и на первый взгляд обычных лицах.

Журнал «Огонек» предлагает вниманию своих читателей портреты, в разное время созданные Ильей Глазуновым.

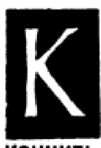
В портрете Федора Панферова художник раскрыл внутренний мир писателя. Это лицо человека высоких партийных идеалов и непреклонной решимости; облик борца-коммуниста и одновременно поэта, устремившего взгляд свой вдаль, словно всматривающегося в будущее.

Прекрасно лицо молодой женщины в нежной дымке, в легком тумане, словно окутанное тончайшей вуалью.

Вглядитесь в лицо молодой доярки, полное духовной красоты, и вы увидите ласковые, голубые, как лесные озерки, девичьи глаза.

С. БОРЗЕНКО

Преступление и наказание Итена Аллена Хоули

огда огонь гаснет, становится так темно, что лучше бы он совсем не горел...» — смутно догадывается Итен Аллен Хоули, готовясь навсегда покончить расчеты с жизнью.

Что же заставило героя «Зимы тревоги нашей» — нового романа, созданного выдающимся американским писателем Джоном Стейнбеком,— уйти из дому с запасом бритвенных лезвий в кармане и твердым намерением отворить себе вены в час прилива в теплом море?.. Ведь для Итена Хоули «зима тревоги» как будто уже позади. Он больше не жалкий продавец, а новоявленный владелец богатой лавки в Нью-Бэйтауне. И у него даже есть чем оплатить счета поставщиков; не понадобилось грабить банк мистера Бейкера, о чем Ит помышлял,— правда, быть может, не столько всерьез, сколько в шутку... Но, поди попробуй догадайся на протяжении романа, где кончается Ит Хоули — отличный семьянин, человек заботливый, искренний и простосердечный, что называется, душа нараспашку, капельку, быть может, чудаковатый, и где начинается совсем другой Ит — осторожный и неторопливый хищник, дальновидный и безжалостный делец, предатель, холодно, спокойно обдумывающий каждый свой шаг, взвешивающий всякое слово...

Нет, Итена не поймаешь! Он недоверчив, чрезвычайно предусмотрителен и увертлив даже в помыслах своих. Он делится жизненными планами разве что с безмолвными рядами консервных банок в лавке, либо с прогуливающимся возле той же лавки псом — мистером Рыжим Бейкером, загадочно сообщая ему вполголоса: «Мы можем казаться добрыми друзьями, но считаю своим долгом заметить вам, что отныне за нашими улыбками скрывается борьба, непримиримое столкновение интересов»...

С поразительным мастерством написан этот роман. Джон Стейнбек заставляет вас следить, не отрываясь, за глубинами душевного, нравственного, человеческого падения Итена Аллена Хоули, который многим людям в Нью-Бэйтауне часто кажется добрым другом! И как же должна быть страшна мнимо дружеская улыбка этого шутника, за которой и на самом деле скрывается непримиримая жестокость, циничное предательство!

Через многолетнюю привязанность, через все святое в человеческих отношениях хладнокровно перешагивает Ит Хоули. Неуклонно добиваясь намеченной им цели, он заставляет себя ни о чем не вспоминать, ни о ком не жалеть... Дэнни — любимый друг детства Хоули, очень ловко загнан им в ловушку и кончает с собой, оставив, как, впрочем, Итен и думал,— ценнейшее завещание в его пользу.

По анонимному доносу Итена выслан из страны владелец лавки, итальянец Марулло. Итен рассчитывал, что лавка достанется ему. Неожиданно он получил лавку совсем бесплатно, даром! Покидая опротивевшую ему Америку, Марулло продолжает верить одному только Итену Хоули — ведь кому-нибудь надо же верить, не может человек жить, не веря ни во что!

Джон Стейнбек знакомит читателя не просто с обычным преступником — дельцом, ловкачом, гангстером... Писатель вводит нас в душевный мир, видимо, порядочного ранее человека, сознательно решившегося пойти на подлость. Мы видим, как человек этот шаг за шагом становится подлецом,— думающим, размышляющим, философствующим... Итен Хоули ведь понимает, что своими поступками навсегда рвет с тем миром, где внушали ему когда-то добрые и непреходящие заветы человеческой морали. И иногда он пытается оправдаться перед самим собой:

«Задумав то, что я задумал и частью уже осуществил, я вполне понимал, что все это чуждо мне, но необходимо, как необходимо стремя, чтобы вскочить на высокого коня. А когда уже я буду в седле, стремя мне больше не понадобится».

Уговаривая, успокаивая себя, Итен Хоули додумывается до оправдания всех, кто «преуспел», до оправдания Гитлера и Муссолини!.. Зная, что Дэнни уже больше нет, Хоули, сентиментально моргая мокрыми ресницами, в конце концов делает вывод: «В бизнесе и в политике человек должен силой и жестокостью прокладывать себе путь через гущу людскую... Потом он может быть милостивым и великодушным, но прежде надо добраться до вершины».

Именно таков страшный путь маленького американского мещанина к фашизму, «путь через гущу людскую»!

Но тогда что же произошло с Хоули в самую последнюю минуту, после того, как осуществилось все, им задуманное? Может, он лишь кокетничает перед собой, отправляясь с бритвенными лезвиями к морю? А может, дрогнул этот погрязший в бесчестии и подлости человек, когда увидел своего сына-подростка таким же отвратительным мерзким хищником, как и он сам, отчаянно рвущимся к успеху во что бы то ни стало?.. Может, поднялось к свету то живое, что возделывалось в душе поколениями добрых тружеников Хоули и еще не совсем затоптано в ней? Может, еще не все огоньки вокруг погасли?..

Большой художник Джон Стейнбек позволяет нам самим додумывать судьбу героя... Конечно, нет и не может быть людям радости от того, что Итен Хоули существует на свете. Но не может не доставить радости новая книга великолепного писателя, поражающая своей могучей, разоблачительной силой.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Джон Стейнбек. Зима тревоги нашей. Роман. «Иностранная литература», 1962. №№ 1—3.

И ЕЩЕ О ВОЙНЕ

Немало лет минуло с памятных майских дней, когда пробитое пулями и осколками знамя советской гвардии взвилось над гитлеровским рейхстагом.

И сколько бы ни было написано книг об этой войне, сколько бы ни рассказывалось о народном подвиге, каждая новая книга — это еще одна страница великой летописи.

Недавно издательство «Молодая гвардия» выпустило роман Ивана Падерина «Когда цветут камни». Книга поможет молодому поколению, к счастью, не пережившему ужасов войны, глубже узнать, как советские люди ковали победу.

Располагая большим фактическим материалом, автор, непосредственный участник битвы за Берлин, создал образы советских солдат и командиров, показал ведущую роль Коммунистической партии в подготовке победы.

Повествует ли писатель о суровых буднях рабочих — старателей Громатухинского золотого прииска, которые, недоедая, недосыпая, в суровые морозы добывали золото, описывает ли фронтовую жизнь, он не умалчивает ни о тех трудностях, которые приходилось переносить народу, ни о тех промахах, которые имели место. Автор не умаляет и силы противника. Наоборот, используя доселе неизвестные многим документы гитлеровской штаб-квартиры, писатель делает попытку по-новому осмыслить некоторые события, связанные с последними днями фашистского рейха.

На многочисленных примерах автор доказывает, сколь велика политическая зрелость наших солдат. В этом отношении интересен разговор пленного немца Отто Россбаха с коммунистом Вербой.

— Ваши солдаты погубят вас,— говорит Россбах.

— Не подозревал.

— Когда у них в руках оказывается велосипед, они делаются наивны, как дети: катаются на двухколесной машине с чисто мальчишеским восторгом. Но когда они разговаривают о политике, я не выдерживаю и часовой полемики с ними. Моя голова трещит. Вы слишком много доверяете им. Все они готовятся стать комиссарами, забывая, что они солдаты. Вам угрожает опасность остаться не у дел. Среди солдат есть много таких, которые способны занять ваш пост сегодня же.

— Спасибо за лестный отзыв о работе наших армейских политработников.

— Вы радуетесь тому, что я сказал? — удивился Отто Россбах.

— Радуюсь.

Да! Такой отзыв противника был истинной похвалой для коммуниста Вербы.

«Когда цветут камни» — это правда о войне, о трудовых буднях советских людей. И хотя в романе рассказывается о событиях минувших, он актуален сегодня по своему идейному звучанию.

Борис ВАСИЛЬЕВ

Иван Падерин. Когда цветут камни. Роман. Изд-во «Молодая гвардия». 1961.

Тетка Арина

Повесть Владимира Федорова озаглавлена «Сумка, полная сердец». Но пусть не отпугнет вас это необычное словосочетание. Прочтите книгу, и вы убедитесь, что она написана с хорошим вкусом, взволнованно, поэтично. Много интереснейших людей узнаете вы. Судьбы некоторых вас опечалят. И все же повесть оставит светлое, радостное ощущение, потому что В. Федоров — писатель ясного, жизнерадостного мировосприятия, умеющий точно настраивать читателя на свою волну.

Повесть слагается из коротких новелл. Каждая из них — отдельный случай, история любви жителей села на Белогорщине — Чистый Колодезь. Село это не простое. Под ним таятся несметные богатства. Скоро оно заживет иной жизнью, неведомой тетке Арине — главной героине повести.

На плече у Арины широченный ремень, а на боку кирзовая сумка. «Порой мне кажется,— говорит автор,— что не бумажные разноцветные конверты, а сердца людские лежат в огромной потертой сумке тетки Арины».

Почтальонша разносит вести от сердца к сердцу. Глаза у нее приметливые, пытливые, а душа беспокойная, участливая к людским печалям и радостям.

Пожилая женщина не просто вручает людям газеты и письма. Одному даст добрый совет, другого пожурит, третьему посочувствует, четвертого ославит на весь Чистый Колодезь. А в доме своей сверстницы Анюты, вдовы, случается, присядет и всплакнет, а то и запоет печальную горемычную — о тонкой рябине...

Новеллы называются: «Материнское сердце», «Поющее сердце», «Манящее сердце»... Разные сердца, разные характеры и судьбы. Какой нежной и преданной, солнечно-светлой была любовь Оксаны и Степана! Во время войны Оксана не дождалась любимого, вышла замуж. А Степан, вернувшись с войны, в отчаянии женился на другой.

Не про одну загубленную любовь рассказывает нам Владимир Федоров. На селе немало обездоленных сердец. Но еще больше счастливых. И как взволнованно звучит голос писателя, когда он рассказывает о счастье!

На страницах повести можно встретить и «Козла в штанах» — фининспектора Кирилла. Не велика беда, если такой козел «взымает под копной налоги» с Дуньки Барышниковой, легкодумной, бесшабашной вдовушки. Но вот «фин» влез на какое-то время в чистую душу Арины. Наследил в ней, напакостил, убил веру женщины в личное счастье. Но верит, упрямо верит Арина в счастливую любовь детей. Глядит на них и усмехается сквозь слезы «говорливая, терпеливая, невезучая, насмешливая тетка Арина, в плечо которой не первый год врезается ремень от тяжелой сумки человеческих обид и радостей». Земной поклон замечательной русской женщине!

Вас. ИЛЬИН

Владимир Федоров. Сумка, полная сердец. Изд-во «Советская Россия». Москва. 1962.

Делегаты разных стран, принявшие участие в Олдермастонском походе мира. Они требовали не допустить ядерных испытаний на Тихом океане.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕГОДУЕТ. ОНО НЕ ПРОСТИТ!

Тихий океан содрогается от чудовищного грохота взрывов. Вода и воздух около острова Рождества превратились в зону ада, где мгновенно погибло все живое. Зловещая пелена смерти медленно расползается во все стороны от эпицентров, угрожая здоровью каждого жителя планеты.

«...Американские испытания будут проводиться в условиях, которые ограничат до минимума радиоактивные осадки»,— заявил в оправдание этого международного преступления президент США Кеннеди. «Все будет чисто, стерильно, безопасно»,— угодливо подхватили продажные газеты Запада, чтобы ослабить ответный взрыв — взрыв народного гнева.

По мнению Нобелевского лауреата Л. Полинга, последствия преступного эксперимента угрожают здоровью трех миллионов еще не

К. НЕПОМНЯЩИЙ

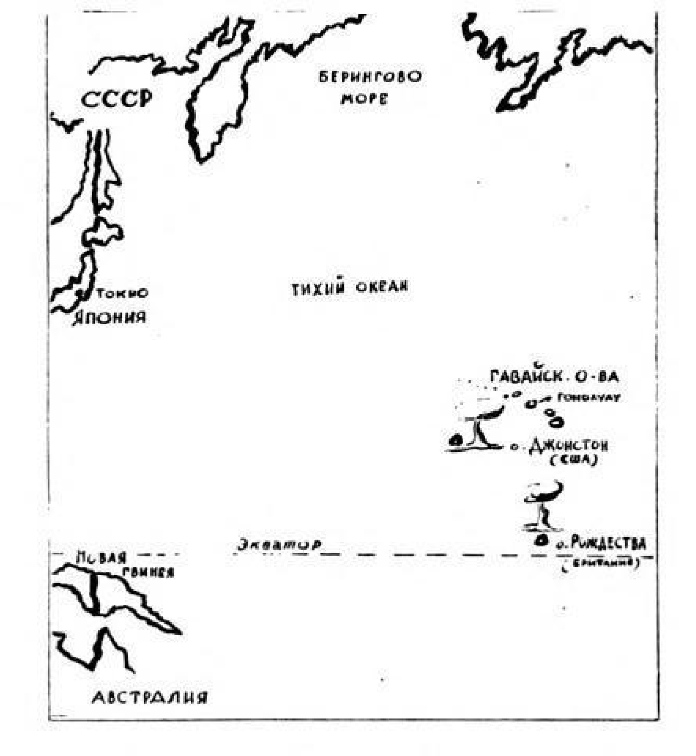
МЫ ВСТАН

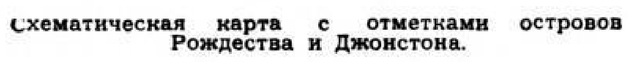
Бывший эсэсовец из «команды 99», убивший Эрнста Тельмана выстрелом в спину во дворе центральной тюрьмы концлагеря Бухенвальд, воспитывает детей в одной из школ боннского государства. Его зовут Отто. Точнее, штабсшарфюрер Отто. Чему он учит немецких детей, чему он может научить их, этот палач, дошедший до последней черты зверства и мерзости! Быть может, самое отвратительное в этой истории состоит в том, что ни он, ни его напарник по «команде 99» Бергер (этот служит в банке) не скрывают сегодня своей причастности к убийству великого вождя и героя немецкого рабочего класса. Многие немцы по обе стороны Эльбы были потрясены этой новостью, многие с ужасом подумали: куда же идет боннское государство? Если сегодня возможно такое, что же будет завтра — костры из книг на улицах Гамбурга, виселицы на боннских площадях для антифашистов, сторонников мира?

В речах канцлера Аденауэра мы часто находим слова о ценности христианских идеалов, о необходимости охранять и беречь достоинство человека, свободу личности и, наконец, о том, как жизненно важно крепить моральные устои западнодемократического строя, который, по его, Аденауэра, мнению, один лишь может носить это название с полным основанием.

Эти слова старого канцлера, с умилением произнесенные тихим голосом по боннскому радио, нельзя было не вспомнить, когда стало известно, что правительственные органы печати западногерманского государства пытаются оправдать убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург и чуть ли не требуют наград для капитана Пабста, организовавшего эти убийства. Руководитель ведомства печати и информации, близкий канцлеру Аденауэру статс-секретарь Феликс фон Эккардт и главный редактор официального боннского органа «Бюллетин» Вальтер Низельт, как сообщает агентство АДН, пытаются создать впечатление, что чудовищное преступление, совершенное 15 января 1919 года, будто бы было не преступлением, а актом законным и... справедливым. Этому предшествовали, как теперь выяснилось, неоднократно появлявшиеся в западногерманской печати статьи самого капитана Пабста, который, оказывается, уже не первый год открыто признает себя причастным к убийству Карла Либкнехта и Розы Люксембург. С неслыханным цинизмом он заявляет, что его «решение об устранении обоих... можно оправдать также и морально-религиозными взглядами». Последняя его статья была опубликована в газете «Дейче штудентен анцейгер» — распространенной студенческой газете, призванной воспитывать молодое поколение немцев в духе тех христианских идеалов, о которых так любят распинаться новоявленные фюреры.

После того как статья Пабста была напечатана бюллетенем ведомства печати и информации боннского правительства, ее подхватили другие западногерманские газеты. Солдатская газета «Дейче зольдатен цейтунг» приветствовала капитана Пабста, предпослав своему сообщению заголовок: «Запоздалая благодарность отечества». По всей видимости, редакторы этой милитаристской газеты мало знакомы с новейшей германской историей. У милитаристов нет и не может быть отечества! В своей речи в рейхстаге, произнесенной в апреле 1913 года, Карл Либкнехт говорил: «У капитала

Схематическая карта с отметками островов Рождества и Джонстона.

Американские самолеты на острове Рождества. Фото ЮПИ — ТАСС.

родившихся жизней. «Чисто», «стерильно» — всего три миллиона...

Серия испытаний американского ядерного оружия в районе островов Рождества и Джонстона продолжается. Воля народов, мнения крупнейших ученых нашего времени, заявления государственных и общественных деятелей десятков стран не приняты во внимание.

«Господин Кеннеди, мне девять лет. Твои планы мне не нравятся. Я слишком юн, чтобы умирать», — так писал недавно американский мальчик Роберт С. Его обращение обошло почти все газеты мира. Но господин президент, конечно, не внял Роберту.

«Мы, матери, против войны!» — заявили американские женщины. Они прошли с антивоенными лозунгами по улицам городов. Они отправились в далекую Женеву, чтобы там вместе с матерями Англии умолять официальных представителей западных держав не проводить намеченные атомные испытания. Но что для американских дипломатов наказы матерей?

«Положите конец атомному самоубийству!» — требовали миллионы людей в разных странах и в самих Соединенных Штатах. Но американский империализм не посчитался с мнением миллионов. Он игнорировал решения Организации Объединенных Наций. Он пренебрег разумными предложениями Советского правительства. Тем самым, как справедливо заметил Норман Томас, «была объявлена война всему человечеству».

Американские атомщики целиком несут ответственность за то, что подорвана надежда народов, связанная с Женевским совещанием. Они виновны в новом обострении международных отношений.

Человечество негодует. Оно посылает проклятия поджигателям войны. Оно никогда не простит.

ИЗ ПЕПЛА, ЧТОБЫ ПОКАРАТЬ ПАЛАЧЕЙ!

нет отечества, нет надобности приводить для этого доказательства... Это связано с абсолютной бессовестностью, свойственной капиталу при его жажде к прибылям...» Как известно, Карл Либкнехт в этой знаменитой речи изобличал германских милитаристов, предающих интересы немецкой нации, «чтобы золото звенело в сундуках». Редакторы солдатской газеты, по-видимому, не сделали выводов из жестоких уроков германской истории. У них нет отечества, и если они могут говорить о благодарности, то лишь о благодарности одних преступников другим за обмен опытом в убийствах из-за угла.

Поистине подлое дело силится защитить себя подлыми средствами!

Вот почему фашистская газетка пытается оправдать и возвеличить преступление капитана Пабста. Какова же была его роль в организации убийств? Известно, что еще в ноябре 1918 года, то есть за два месяца до трагичной смерти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, так называемая «антибольшевистская лига» обещала вознаграждение в 20 тысяч марок за поимку революционеров. Работница одного из берлинских военных заводов, имя которой осталось неизвестным, писала Либкнехту, что на предприятиях района Шпандау распространялась листовка, обещающая эту награду за убийство вождей рабочего класса. Письмо заканчивалось горячей просьбой: «Берегите себя, товарищи!»

Рабочие Берлина оберегали Либкнехта и Люксембург. В начале января, как рассказывает в своей книге историк Ф. Эльснер, головы революционеров оценивались уже в 100 тысяч марок. 11 января 1919 года Либкнехт и Люксембург были переведены в Нейкельн, в рабочий квартал, где опасность ареста была меньше. В этот же день в Берлин вступила гвардейская кавалерийская дивизия, штаб которой взял на себя расправу с боевыми руководителями немецкого пролетариата. Начальником штаба кавалерийской дивизии был капитан Пабст.

— Либкнехт и Люксембург в высшей степени опасны, господин капитан, — сказал главарь «антибольшевистской лиги» Штаттлер при первой встрече в штабе дивизии.

— Вы можете на меня положиться, — отвечал Пабст.

Больше всего его интересовало, когда и от кого он сможет получить обещанные 100 тысяч марок.

Вильгельм Пик так описывает день, когда Пабст совершил свое гнусное дело:

«Нас втолкнули в автомобиль, и после непродолжительной поездки мы остановились перед отелем Эден — одним из крупнейших берлинских отелей на нынешней Будапешт-штрассе. О нашем предстоящем прибытии туда, видимо, было уже доложено, ибо перед входом стояли несколько офицеров и солдат, встретивших нас криками и руганью. Они вели себя крайне подло, особенно по отношению к Розе Люксембург. Розу Люксембург немедленно препроводили на второй этаж отеля, где некий капитан Пабст, представившись так называемым судьей, подверг ее допросу. Меня держали под стражей внизу, в вестибюле. Я слышал из разговоров, что Карл Либкнехт тоже находился в этом доме. Офицеры откровенно беседовали друг с другом, а также с солдатами о том, что из отеля никто из нас живым уже не сможет выйти. Приблизительно через десять минут меня также привели наверх и поставили в нишу, пригрозив расстрелом в случае, если я покину это место. Вслед за этим товарища Карла Либкнехта солдаты вывели из комнаты, где совершался допрос, и повели его вниз... Еще через 10 минут вниз повели товарища Розу Люксембург. Из вестибюля гостиницы до меня донесся какой-то шум и женский крик. Одна из служанок гостиницы крикнула своей подружке: «Нет, я никак не могу забыть, как они били и волочили бедную женщину!» Следовавший за ней унтер-офицер цинично заявил: «Ну, с ними покончено».

В книге Е. Гумбеля «Четыре года политических убийств» мы находим такие строки: «На следующий день участники убийства фотографировались все вместе во время попойки». Капитан Пабст тогда потратился. Не требует ли он сегодня возмещения расходов?

Официальные круги Бонна одно время стыдились этого подлого преступления, не признавая за него своей ответственности. Но сейчас, судя по всему, влиятельные люди в боннском государстве смотрят на это дело другими глазами. Примерно так, как смотрели Гитлер и Гиммлер, втолковывавшие молодежи, что убийство — норма поведения, а убийца — герой, достойный почестей. Капитан Пабст решил, видимо, что снова пришло его время, — он требует одобрения и новых наград... Газеты, призванные воспитывать молодежь, изображают его чуть ли не героем, живым воплощением «новейших образцов христианской морали».

Не следует в этом смысле преуменьшать роль «Дейче зольдатен цейтунг», которая не столько покровительствует, сколько пресмыкается перед этой милой компанией — только что не устраивает попойки для капитана Пабста и бывших палачей «команды 99». Может быть, их уже фотографируют всех вместе, чтобы иметь еще один «пример» для воспитания ненависти к коммунистам и коммунизму. Но пусть они вспомнят прекрасные слова Карла Либкнехта; травимый врагами, он в 1918 году писал из каторжной тюрьмы:

«Из пепла мы вновь родимся,
Карая палачей!»

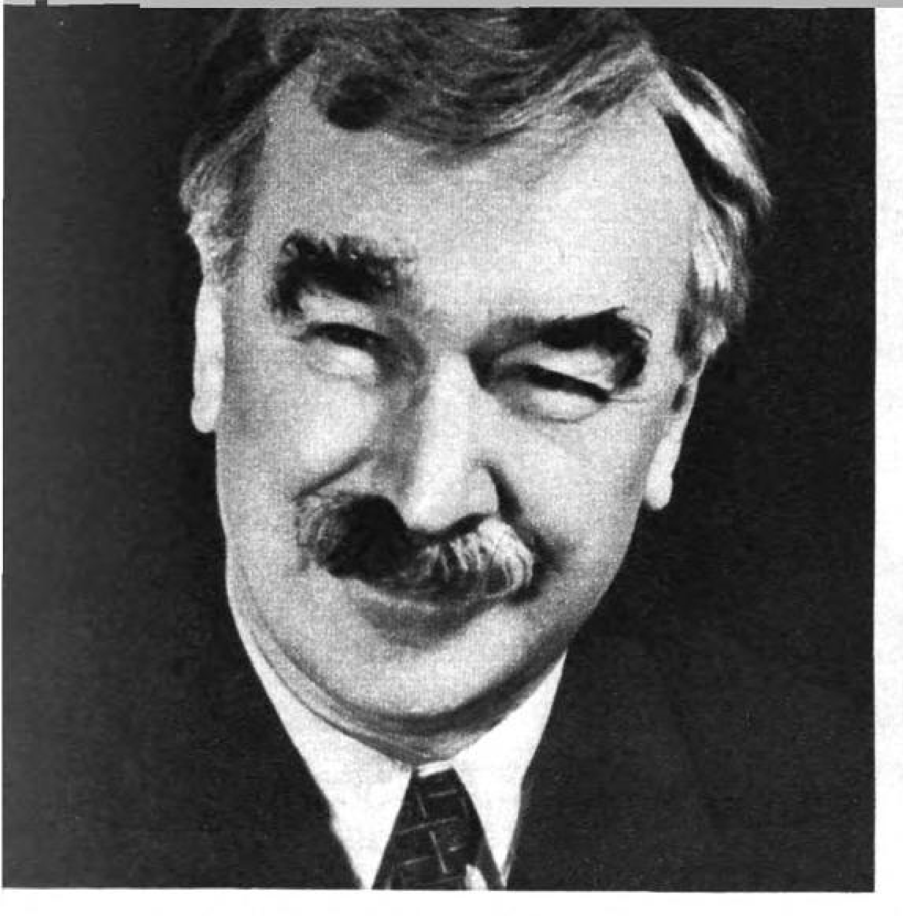
Роза Тельман и Софи Либкнехт, мы понимаем, как вы возмущены безнаказанностью преступников! Вместе с вами все честные люди поддерживают требование о наказании убийц, с которым уже обратились в судебные органы ФРГ товарищи из объединения лиц, преследовавшихся при фашизме. Вместе с вами люди спрашивают: как могли убийцы так долго оставаться безнаказанными? Как осмеливаются они посягать на святую память вождей Коммунистической партии Германии?

В редакции советских газет, в агентство печати Новости (АПН) поступают письма, полные негодования и возмущения:

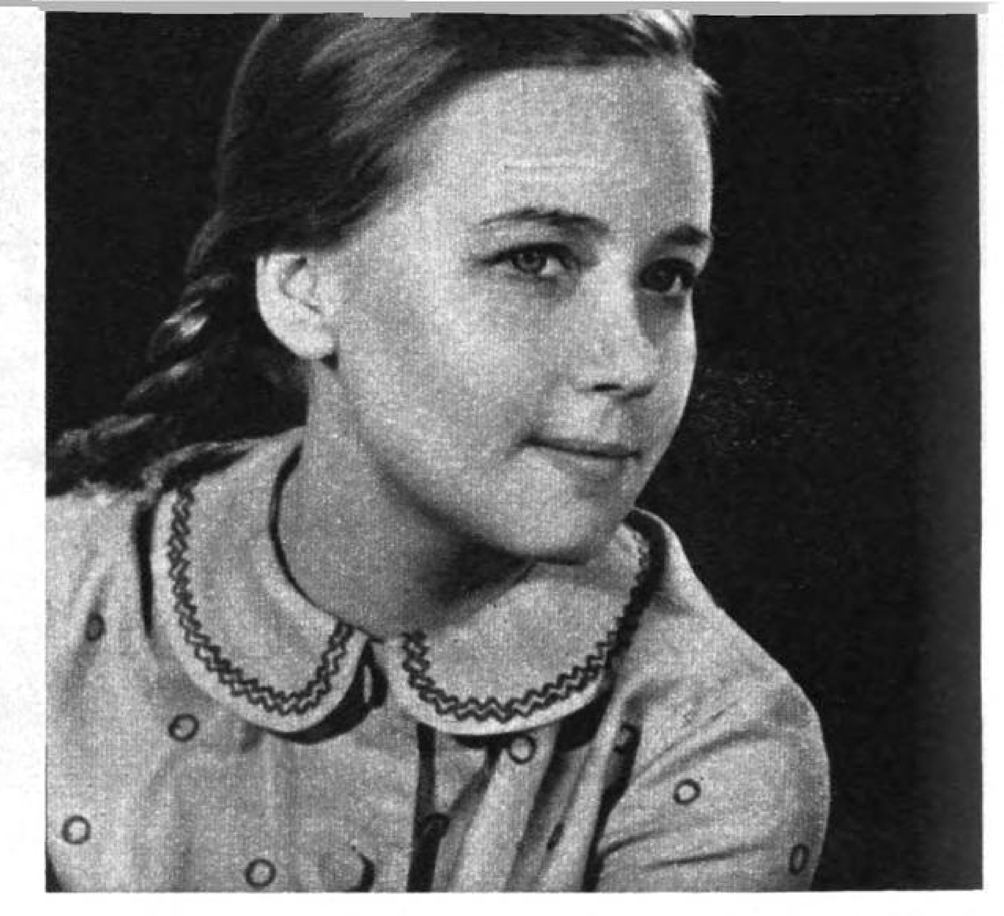
«Убийц — на скамью подсудимых!»

Сегодня люди знают лучше, чем когда-либо раньше, что представляют собой так называемые «христианские идеалы». Сегодня люди видят, до какой степени деградировала, до какой низости дошла буржуазная мораль. Она превратилась в мораль циников и убийц!

Покарать палачей — это сегодня воля не только 40 миллионов коммунистов, это воля каждого, в ком бьется честное сердце. Пусть об этом помнят в верховной прокуратуре боннского государства, когда будут рассматривать дело об убийстве великих патриотов Германии.

Н. Мордвинов в роли Василия Павловича Забродина. Спектакль Театра имени Моссовета «Ленинградский проспект».

Маша — актриса Ия Саввина.

Т Е

ЭСТАФЕТА ПО

Юр. ЗУБКОВ

Фото В. Петрусовой и М. Чернова.

Сын не понимает отца. Племянник — тетку. Племянница — дядю. Юный подчиненный — умудренного опытом жизни и борьбы начальника. Мало ли чего не бывает!.. Но вот отдельный случай под пером некоторых писателей обобщается — так возникает пресловутая проблема отцов и детей, «неравный бой» поколений.

Одним из первых «открыл» конфликт между поколениями советских людей В. Розов в пьесе «Неравный бой». Племянник, заложив ногу за ногу и, как говорил Маяковский, «не повернув головы кочан», беседует с теткой, которая не только выпестовала и вырастила парня, но и сегодня волнуется за его судьбу... Однако почему-то тетка объявляется мещанкой, а племянничек выдается за олицетворение духовной независимости, самостоятельности и чистоты.

В. Розов начал. Иные критики, вроде Ф. Кузнецова, подхватили, встречая любое, самое доброжелательное критическое замечание в адрес пьесы окриками, а подчас и бранью, толкая тем самым писателя в дебри ложной, надуманной проблемы. Толкая в эти дебри не одного только Розова...

А ведь проблемы-то нет!..

В самом деле, вот другой паренек — его зовут Алексей Бережной — прогулял ночь: поехал провожать Валю — девушку, встреченную в парке культуры и отдыха,— за город. Опоздал на обратную электричку и до рассвета просидел на платформе... Волнуются мать и отец в ожидании сына. Но нет в этом ничего оскорбительного ни для паренька, ни для нас, зрителей пьесы Евгения Симонова «Алексей Бережной», поставленной им же самим на сцене вахтанговского театра. Герои пьесы и спектакля ведут себя сообразно своим характерам и взаимоотношениям. И автор, доверяя героям, ничего им от себя не навязывает.

Правда, не исключено, что кто-нибудь мне возразит: да ведь когда это было! Действие пьесы «Алексей Бережной» происходит накануне Отечественной войны, в 1940 году, а сегодня, дескать, молодежь иная... Критик И. Соловьева, например, на страницах журнала «Театр», сделала «открытие», заявляя, что героине повести Р. Фраермана «Дикая собака Динго» Тане, которой пятнадцать лет было в 1939 году, и Олегу из «Поисков радости», которому пятнадцать сравнялось в 1957 году, «не просто будет понять друг друга». Дескать, «разная психологическая природа. Разная речь. Разные ритмы...»

Но спорить здесь просто бессмысленно. Полезнее вернуться к правдивому и талантливому спектаклю вахтанговцев.

О чем этот спектакль?

Именно о единстве поколений. О революционной эстафете советских людей, которая продолжается и ныне. Отец воевал в гражданскую войну. Мать тогда спасла его от белых, выходила от смерти. Сын их погиб в Отечественную войну, не оставив наследника; но это ведь его ровесники ходят сегодня там, где бродили когда-то Алексей и Валя...

Герои здесь живут в полном душевном и психологическом единстве. Художник взглянул на мир взглядом ясным, открытым, чуждым предвзятости и увидел нашу действительность, наших людей такими, какие они есть.

На одном из совещаний, созванных Союзом писателей РСФСР, выступал молодой драматург-дальневосточник А. Комаровский.

— Обидно бывает читать,— говорил он,— такие произведения, как, скажем, «Звездный билет». Разве это про нас или про тех, кто рядом с нами?!. К чему все это?.. Прочитайте простой вахтенный журнал какого-нибудь судна, походите вместе с экспедицией вулканологов по горам — у вас будут увлекательнейшие сюжеты! Там вы найдете интереснейших героев — строителей новой жизни.

Современники Алексея Бережного, его отца и матери, его друзей, детей его друзей — это люди трудовой славы. И ежели привезет Театр имени Вахтангова свои спектакли на Дальний Восток, бесспорно, будет интересно зрителям повстречаться с героями, которые несут в себе живые черты времени, его правдивые приметы.

Окрыляющая пьесу атмосфера чистоты, взаимного доверия способствовала слаженности актерского ансамбля. Трудно кого-либо здесь выделить. Каждая роль, очерченная резко и сыгранная психологически убедительно, питается наблюдениями жизни, а не повторяет найденное кем-то другим.

И все же особо хочется сказать об Алексее — В. Лановом. Близкий и понятный образ, созданный актером, покоряет внутренней цельностью сердца и характера, проявляющейся в словах, поступках, сиянии глаз, удивительной отзывчивостью на добро и красоту.

Конечно, спектакль, как и пьеса, не лишен недостатков. Пьеса написана стихами и прозой; наименее удались драматургу-дебютанту стихи. Страдает пьеса и некоторой долей иллюстративности. Но главное, что порождает желание возразить, связано не с этим, а со стремлением Е. Симонова — и как автора и как режиссера — следовать некоторым приемам сегодняшней художественной моды, без какой бы то ни было на то необходимости. Нарушение последовательности действия, самокомментарий героев, лицо от театра и т. п.— все это здесь не нужно! Более того, все это мешает целостности восприятия.

Скажут: мода здесь ни при чем; большинство из этих приемов — исконно вахтанговские, берущие начало в знаменитой постановке «Принцессы Турандот». Не спорю! Но то, что было к лицу сказке, праздничному театральному представлению, то в спектакле о современности, полном глубокого внутреннего драматизма, выглядит как нечто чужеродное.

И когда в другом спектакле, а именно в спектакле Театра имени Моссовета «Ленинградский проспект» И. Штока, я вижу сына, который молча глядит на портрет матери, обтянутый траурной лентой, у меня комок подкатывает к горлу, и мне не нужны никакие «наплывы», никакие разъяснения.

Если в «Алексее Бережном» нет и намека на противоречия между поколениями, то в пьесе И. Штока происходят весьма острые стычки между отцами и детьми. С устоями крепкой, потомственной рабочей семьи Забродиных пытается, в частности, спорить младший сын Борис, известный футболист. Да так спорить, что отец с ним на протяжении нескольких месяцев после смерти матери вообще не разговаривает...

Сцена из спектакля «Алексей Бережной». Театр имени Евг. Вахтангова.

ТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОЛЕНИЙ

Но поколения ли спорят между собой? Поколения ли приходят здесь в столкновение одно с другим? Нет!.. В дом к Забродиным, а главное, в души к ним пробрался скверный, морально нечистоплотный человек. И это он, Семен Семенович, старается столкнуть Забродиных между собой, подорвать их отношения.

Зачем это нужно Семену Семеновичу? Ему, стяжателю, мошеннику, трудно жить, пока крепка забродинская семья — семья советских людей. Следовательно, и здесь речь идет о столкновении разной морали, а не о «противоречиях поколений»...

Превосходно играют в поставленном И. Анисимовой-Вульф спектакле Н. Мордвинов (Забродин) и В. Сошальская (Клавдия Петровна).

В творческой биографии Мордвинова впервые встречается подобная роль. И как же она расширяет творческий диапазон актера, как обогащает его художническую палитру! Конкретный и вместе с тем типический образ великолепно осуществлен Мордвиновым; образ потомственного столичного пролетария, ощущающего себя подлинным хозяином жизни. Его жена Клавдия Петровна в исполнении Сошальской — человек красивой и чуткой души.

Как и спектакль вахтанговцев, «Ленинградский проспект» богат актерскими удачами. Скворец — А. Баранцев, Маша — И. Саввина — это бесспорные удачи! Не может не трогать школьник Вася в исполнении Коли Бурляева, своего ровесника.

Слабее других оказался в спектакле образ Семена Семеновича, сыгранный А. Зубовым. Он мелковат, прямолинеен. И тем не менее пьеса И. Штока, как и постановка Театра имени Моссовета, вызывает заслуженное признание, наглядно свидетельствуя о неисчерпаемых возможностях актера, которыми иной раз пренебрегают театры ради всевозможных «модных» приемов. А ведь эти приемы могут быть хороши в одном, двух, наконец, трех спектаклях; но когда они приобретают чуть ли не повсеместное распространение, они становятся уже бедствием, прежде всего мешая актеру! Театр утрачивает власть над человеческими сердцами.

Вот почему не вызывает у меня сочувствия новый спектакль Эстрадной студии МГУ «Прислушайтесь — время!», осуществленный А. Аксельродом, М. Розовским, И. Рутбергом по сценарию, написанному ими в соавторстве с В. Панковым, В. Славкиным и М. Ушацом.

Народные театры за последние несколько лет прочно вошли в жизнь нашего искусства. И следует оценивать их спектакли по тому же самому высокому счету нелицеприятной взыскательности, по какому оценивается работа профессиональных коллективов.

Студенческий театр МГУ — это способный творческий коллектив. Из него вышла такая своеобразная актриса, как Ия Саввина. Тем обиднее, что спектакль «Прислушайтесь — время!» вряд ли может быть записан в актив театра.

У молодого коллектива скорее всего были хорошие намерения поддержать и воспеть то новое, благотворное, чем отмечен нынешний день народной жизни, осмеять и осудить пережитки, доставшиеся от прошлого. Однако самый принцип решения постановки таков, что ее абстрактные образы затрудняют, а порой делают просто невозможным восприятие заложенных в пьесе идей. Можно, к примеру, догадываться, что в начале спектакля речь идет о борьбе за мир. Но разве спектакль — это шарада или ребус, который надо разгадывать?!.

Есть в спектакле образ дороги... Образ дороги, которая зовет молодежь. Это найдено удачно. Но рядом уживаются эпизоды туманные по смыслу, расплывчатые по форме, пронизанные стремлением авторов ошеломить, удивить зрителя. Порой складывается впечатление, что театр осмеивает не только тех людей, которые незаконно пользуются словами, принадлежащими нашему обществу, но осмеивает и самые эти слова, их содержание и смысл. Но ведь и эти слова и эти понятия священны. Время их не пересматривает!

Именно такая мысль пронизывает новые спектакли Малого театра и Театра имени Гоголя — «Коллеги».

Можно только порадоваться, что В. Аксенов после «Звездного билета» опять вспомнил о предыдущей своей повести и инсценировал ее совместно с Ю. Стабавым. Это внушает надежду, что, переболев «корью» некоторых модных увлечений, писатель вернется на тот путь, на котором он создал образы повести «Коллеги».

Впрочем, молодые герои спектакля «Коллеги» — Саша Зеленин, Лешка Максимов, Владислав Карпов — тоже проходят через «искус неприятия» поколения отцов. Но тем глубже и убедительнее в итоге отказ героев от былых заблуждений, понимание своей неправоты...

В спектаклях, поставленных в Малом театре Б. Бабочкиным и В. Коршуновым, а в Театре имени Гоголя — С. Майоровым, привлекательную сторону составляют отнюдь не поиски модных сценических приемов, которые, впрочем, и здесь приводят к несообразностям.

Так, в постановке С. Майорова «внутренние монологи» героев произносятся то по радио, то самими героями. А в постановке Б. Бабочкина и В. Коршунова характерно назойливое обращение персонажей к зрительному залу.

Зато в этих спектаклях привлекают интересные человеческие характеры, страстность, с которой актеры доносят до зрителя дорогие нам мысли.

...Театральная жизнь столицы складывается, однако, не только из спектаклей московских профессиональных и народных сценических коллективов. Москвичи охотно смотрят и те спектакли, которые привозят наши гости из других городов.

Оживленно, со спорами прошли в столице гастроли Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького.

Тема разных поколений прозвучала в спектакле «Моя старшая сестра» А. Володина, поставленном Г. Товстоноговым.

Есть и в этом спектакле черты, подкупающие зрителя. И прежде всего тонкая, тщательно продуманная, выверенная до мельчайших деталей работа постановщика; интересные актерские работы Г. Дорониной и Е. Лебедева, играющих старшую сестру Надю и ее дядю — Ухова.

Однако пьеса А. Володина производит впечатление, мягко говоря, странное. Если рассматривать в ней изолированно друг от друга каждый образ, каждую человеческую судьбу, то любой и любая из них покажутся правдоподобными. А все они в совокупности не создают ощущения правды наших дней. Словно вы повстречались с человеком, который сообщил вам массу самых достовернейших мельчайших подробностей, имея при этом единственную цель — скрыть за ними неправду всего своего рассказа. Конечно, это только ассоциация... Но так уж получается и в жизни и в искусстве, что из огромного числа маленьких «правд» большая правда времени порой так и не складывается.

Автор уверяет нас, что в нелегких судьбах сестер Нади и Лиды повинен их дядя — человек, придерживающийся позиции «здравого смысла» во всех случаях жизни. Из-за дяди будто бы долгое время не находит свое призвание Надя. Из-за дяди на долгое время теряет любимого человека Лида.

Но так ли уж плох этот пожилой, проживший нелегкую жизнь человек?

Автор сообщает нам, что дядя, творя добро, объективно совершает зло. И не сам по себе, а в силу того, что уж так воспитан своим временем. Вспомним в связи с этим слова матери из сценария В. Розова «А. Б. В. Г. Д...», обращенные к сыну: «Мы не хотим, чтобы ты «обламывался»... Ты намекаешь на нас. Но учти: мы росли в более сложное время»...

Так вот, о времени и о дяде. Справедлив ли к нему автор? Плохо ли сделал Ухов, в трудные годы взяв из детского дома сирот-племянниц? В самом деле, зачем было Ухову взваливать на свои плечи такие труды и заботы?..

Нет, не дядя виноват в злоключениях племянниц... Но как же тогда связывается рабская покорность Нади с тем боевым, коллективистским воспитанием, которое она получила в детском доме? Да попросту не связывается! Как не связываются и иные поступки Лиды с ее характером.

Спору нет, молодости свойственны искания, сомнения, критический пересмотр всего устоявшегося. Здесь художнику нельзя не быть особенно осторожным, тактичным, мудрым, чтобы вместо искренне желаемой пользы не принести вред. Но если задуматься над тем, что уносит зритель с таких спектаклей, как «Алексей Бережной», «Коллеги», «Ленинградский проспект», и что уносит он со спектакля «Моя старшая сестра», то предпочтение, самое решительное и бескомпромиссное, следует отдать первым спектаклям. После них зритель уносит идею эстафеты поколений, оптимистическое восприятие действительности, стремление к деянию, труду и борьбе, к подвигу. После же «Моей старшей сестры» зритель, особенно любящий «благополучные концы», конечно, может быть растроган и утешен. Но разве за утешением люди идут в театр?! Утешителей, как известно, сурово осудил еще Горький.

Театр для нас — школа жизни, мужества и борьбы с истинными, а не условными, малозначительными препятствиями.

И. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ

АККОРД

О чем говорят Владимир Ашкенази (СССР) и Сьюзин Старр (США)? Может быть, о первом концерте Чайковского, ведь они оба его подготовили к III туру.

В кулуарах конкурса. Королева Бельгии Елизавета и народный артист СССР Эмиль Гилельс.

Итак, на Конкурсе имени Чайковского звучат последние аккорды. Безраздельное царствование пианистов подходит к концу. Завтра к известным уже лауреатам (виолончелистам, скрипачам) прибавятся новые — пианисты. И на торжественном закрытии конкурса — вручение премий, дипломов, медалей... Золотые, серебряные, бронзовые, они хранятся в оргкомитете если не за семью печатями, то за одной, но стоящей семи бесспорно. Как ни просили фотокорреспонденты дать сфотографировать хотя бы одну — увы, ритуал есть ритуал. Первым ее должен узидеть тот, кому она предназначена. Ну, что же! Уже известно, кому из скрипачей и виолончелистов присуждены медали, завтра мир узнает, кому будут принадлежать золотая, серебряная и бронзовая медали, предназначенные пианистам.

Творческий спор шел напряженный, упорный, страстный. Он шел не только во время прослушивания в Большом зале консерватории в присутствии высокопоставленного жюри и публики. Он велся в пустых больших классах, один на один с роялем...

В коридорах учебного корпуса Московской консерватории удивительно пустынно и тихо.

На плотно закрытых дверях — отпечатанное в типографии объявление оргкомитета: «Класс занят. Репетирует участник II Международного конкурса имени Чайковского». Листок этот при всей своей малогабаритности вызывает благоговейный трепет, и хотя двойные двери классов—надежный звуковой барьер, те, что заходят сюда, движутся мягко, на носках.

В этом коридоре может показаться, что жизнь остановилась. Часами не увидишь человека. Только вдруг, когда на улице уже совсем стемнеет, стремительно распахнув все четыре двери, выбежит девушка или парень, помечется по коридору, внимательно выискивая что-то на стене, и затем, повернув все попавшиеся на глаза выключатели, поспешно вбежит в класс. На других этажах звенят звонки, идут лекции, начинаются и кончаются уроки. Здесь нет ни звонков, ни перемен. Прерываются только для того, чтобы съездить пообедать да немного отдохнуть, а заканчивают занятие...

Знаете ли вы, автобус какого маршрута работает намного позже всех остальных? На это мы можем вам ответить абсолютно точно. Маршрут «Гостиница «Украина» — Консерватория»; автобус, предна-

Л. КАФАНОВА,
Р. КОНСТАНТИНОВА

КВАРТИ

← Ирина Бочкова.

Огромный шестиэтажный дом — общежитие Московской консерватории,— казалось, был переполнен музыкой. Приглушенные закрытыми рамами, неслись на улицу звуки: вверх и вниз ползли виолончельные гаммы, в их плавное течение вплетались пассажи фортепьянных этюдов, соревнуясь с флейтой, распевала вокализы певица. Мы поднялись на пятый этаж и позвонили в квартиру с табличкой «18».

Итальянка Мариза, болгарки Дора и Лидия, немки Марлен и Катинка... Из разных стран приехали эти девушки, на разных языках говорят они. Но всех их объединяет любовь к музыке, преданность искусству, желание стать настоящими музыкантами. И нам захотелось рассказать о них.

Катинка-Анита Реблинг. Над ее кроватью, покрытой ярким клетчатым пледом, — фотография: женщина с утомленным и немного грустным лицом обнимает за плечи седого мужчину. Это родители Катинки.

...Немецкий музыкант Эйбергардт Реблинг не пожелал сотрудничать с гитлеровцами и бежал из фашистской Германии в Голландию. Там он встретился с артисткой Яльдаты Лин. Когда фашисты оккупировали Голландию, чета Реблинг вынуждена была скрываться. В тревожном 1941 году родилась Катинка. А вскоре Яльдаты и Эйбергардта арестовало гестапо. Маленькую Катинку спрятали у себя голландские патриоты. Девочку передавали из семьи в семью, спасая от фашистских палачей. И только в 1945 году, после того как Советская Армия разгромила фашистскую Германию, вся семья Реблинг встретилась вновь.

— Мы долго жили в разлуке и потому особенно дорожим тем временем, которое можем провести вместе, — говорит Катинка. — Я, конечно, очень скучаю по своим родителям, но ради музыки, ради того, чтобы учиться в лучшей в мире консерватории, я приехала в Москву.

...Маленькая, хрупкая, подвижная Мариза Танцини в домашнем наряде — узеньких брючках и пестрой рубашке — напоминает озорного Пепе из «Сказок об Италии» М. Горького. Она говорит по-русски, как и подобает южанке,— быстро, напористо, темпераментно. Оказывается, Мариза окончила консерваторию в Палермо и считалась у себя на родине вполне сложившейся пианисткой. Но однажды она приехала в Рим,

Их так и называют — неразлучные.

Рассказывает Катинка-Анита Реблинг.

Ы ФИНАЛА

значенный для участников конкурса. В 2—3 часа ночи зачастую мелькает маленький желтовато-зеленый кузов на мосту через Москву-реку. Меняются водители, поработал 8 часов — отдыхай, а пассажиры все одни и те же — неутомимые.

Пять недель длится конкурс, пять недель внимание советской и мировой музыкальной общественности приковано к нему. Да разве только музыкальной? Представители каких только профессий не собирались в эти дни в консерватории! Здесь были ученые, настоящие и будущие,—те, что пока еще сидят в университетских аудиториях; большой группой приходили рабочие завода имени Владимира Ильича; здесь можно было встретить делегатов съезда комсомола, проходившего в эти же дни в Москве. Не казались ли им эти прослушивания продолжением того большого разговора, что шел в Кремле? Ведь и в этих стенах советская молодежь отчитывалась в том, что сделала,— рапортовала об успехах на музыкальном фронте. А успехи эти немалые: 4 премии из 8 у виолончелистов, шесть с половиной из 9 у скрипачей, большая группа участников III—заключительного—тура у пианистов—все это говорит о бесспорной победе советской музыкальной школы. О ней говорят не только сухие цифры, но и страстно беспристрастные голоса членов жюри — прославленных маэстро мира. А ведь победа была нелегкой на этом музыкальном форуме, в котором участвовало 130 лучших молодых музыкантов, представителей 32 стран. Если вспомнить, что в первом конкурсе участвовал 61 музыкант из 22 стран, станет ясно, какое место занял в музыкальном мире Конкурс Чайковского. Осенью этого года в Техасе будет впервые устроен международный конкурс пианистов имени Вана Клиберна. Того самого Вана, который приехал к нам мало известным даже на своей родине пианистом, а уехал знаменитостью. А разве мало таких юных, еще безвестных музыкантов на этом конкурсе? Смело состязаются они с опытными, зрелыми музыкантами. Состязаются, и многие побеждают. Появились новые знаменитости.

Все эти пять недель микрофоны, фотообъективы, авторучки огромного корпуса корреспондентов мира были прикованы к тем, кто выходил на подмостки Большого зала консерватории и Колонного зала. Каждый день радио и газеты не только различных стран, но и частей света сообщали о том, что происходит здесь, в центре музыкальной жизни мира.

Завтра все они сообщат имена новых лауреатов, тех, кто играет сейчас в зале последние аккорды.

Играет Инь Чэн-цзун (Китайская Народная Республика).

РА № 18

когда там давал концерт Эмиль Гилельс. Нет, никогда не слышала прежде Мариза такого исполнения. «Я должна поехать учиться в консерваторию, откуда выходят такие музыканты»,— твердила она себе. И вот мечта ее сбылась.

...Их так и называют: неразлучные. Дора Миланова и Лидия Кантарджиева с детских лет вместе. Они вместе учились в музыкальной школе, потом в Софийской консерватории. Правда, Дора — пианистка, а Лидия — скрипачка. Но это только помогало их дружбе: они часто играли пьесы, сонаты, концерты для скрипки и фортепьяно. Прошлым летом в Болгарии был объявлен конкурс на три места в Московской консерватории. Дора и Лидия посоветовались и стали готовиться к конкурсу. На каждое место было по семь претендентов. И девушки даже боялись поверить своим глазам, когда в списке принятых прочитали свои фамилии.

Сегодня дежурит по квартире Марлен Бирман. Марлен окончила консерваторию в Берлине и приехала на два года в Москву. Это своего рода аспирантура.

Исландка Турун Тригвасон, или Додди, как ее все называют, уже несколько месяцев как не учится в консерватории и не живет в квартире № 18. Теперь она здесь гостья. И все же мы не можем не рассказать о Додди хотя бы потому, что ее история лишний раз подтверждает старую истину, что человек никогда не знает, где найдет свое счастье.

В 1958 году, окончив королевскую музыкальную академию в Лондоне, Додди приехала в Москву на Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Скажем откровенно: Додди не повезло. «Великолепные данные, прекрасный слух, но техника слабовата»,— сказали про нее члены жюри. И тогда Додди решила совершенствовать свое мастерство под руководством советских пианистов. Два года занималась Додди в Московской консерватории. Срок ее учебы окончен. Но Додди не уехала к себе на родину. Она вышла замуж за пианиста Владимира Ашкенази и приняла советское гражданство.

В этой музыкальной квартире мы встретили Ирину Бочкову — лауреата только что закончившегося II Международного конкурса имени П. И. Чайковского.

...Возможно, Ирина не стала бы скрипачкой, если бы...

Да! Опять этот самый, так часто встречающийся в биографиях артистов «счастливый случай». Когда Ирине исполнилось шесть лет, бабушка, по причинам, так и оставшимся неизвестными, подарила ей скрипку. Ирине очень понравилась новая «игрушка». Она не выпускала скрипку из рук, подбирала на ней песенки и даже пробовала импровизировать. Родители — инженеры, смущенные этой неожиданной привязанностью дочери к скрипке, показали ее знакомым музыкантам. Велико было их удивление, когда им сказали, что у Ирины абсолютный слух! После окончания музыкальной школы-семилетки Ирина из Казани переезжает в Москву и поступает в Центральную музыкальную школу, а потом в Московскую консерваторию.

Давно забытая, лежит в Казани маленькая детская скрипка — подарок бабушки. Сейчас у Ирины в руках скрипка работы великого итальянского мастера Страдивари, на которой она играла на конкурсе. Скрипку предоставила ей Государственная коллекция уникальных музыкальных инструментов.

Квартира № 18 — самая обычная в общежитии Московской консерватории. Рядом в таких же квартирах вместе с советскими юношами и девушками дружной студенческой семьей живут молодые музыканты из Польши, Финляндии, Венесуэлы, Эквадора, Колумбии, Кубы, Кипра, Мексики.

Играет Мариза Танцини.

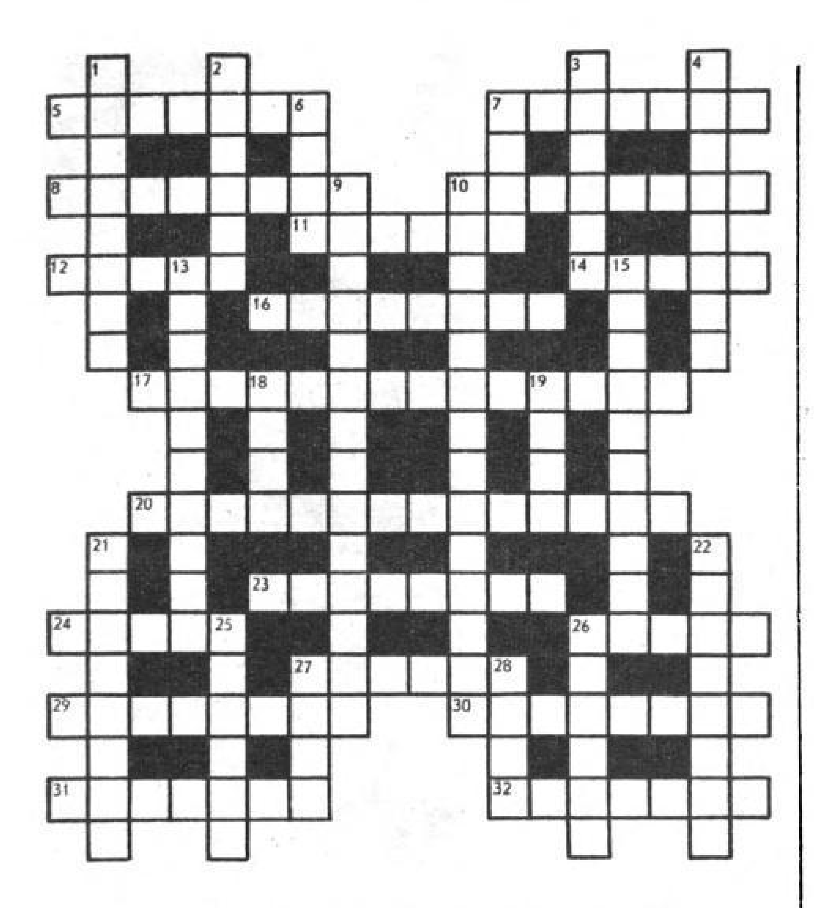

У Марлен Бирман радость — письмо из дома.

Додди (справа) здесь по-прежнему считают своей.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Балет А. Хачатуряна. 7. Цветок. 8. Персонаж пьесы М. Горького «Варвары». 10. Начитанность, широкие познания. 11. Рыболовная снасть. 12. Планета. 14. Смесь металлов. 16. Работница сельскохозяйственной фермы. 17. Город в Донбассе. 20. Беспристрастие, верность истине. 23. Высшее учебное заведение. 24. Медленный темп в музыке. 26. Место добычи полезных ископаемых. 27. Русская старинная игра. 29. Украинский поэт. 30. Народный артист СССР. 31. Локомотив небольшой мощности. 32. Горячий, сухой ветер.

По вертикали:

1. Противник в споре, диспуте. 2. Могущественное явление природы. 3. Наклонная плоскость, заменяющая лестницу. 4. Горная система в Малой Азии. 6. Озеро в Африке. 7. Роман Р. Тагора. 9. Здание, центр архитектурного ансамбля Ленинграда. 10. Цирковой жанр. 13. Наборщик в типографии. 15. Советский историк, академик. 18. Ночная хищная птица. 19. Столица европейского государства. 21. Сигнальный фонарь. 22. Автор оперы «Фиделио». 25. Продольные нити в ткани. 26. Спортивный снаряд. 27. Устное поэтическое повествование. 28. Приток Нила.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

3. Бакшеев. 7. Галактометр. 10. Тарту. 11. Титул. 12. Благодать. 13. «Весна». 14. Ясень. 15. Каминка. 17. Бибабо. 19. Козляк. 23. Инженер. 24. Швейк. 26. Алеко. 28. Займище. 29. Клиберн. 30. «Льгов».

По вертикали:

1. Шарманка. 2. «Черемуха». 4. Шостакович. 5. Палуба. 6. Статья. 8. Качели. 9. «Дуэнья». 15. Комик. 16. Аккра. 18. Вровка. 20. Ласкер. 21. Ожерелье. 22. Инжектор. 25. Йемен. 27. «Люблю».

На первой странице обложки: Плакат Б. Березовского.
На последней странице обложки: Фотоэтюд П. Петрова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д-3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00472. Подписано к печати 3/V 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 555. Заказ № 1400.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РАЗЯЩЕЕ ОРУЖИЕ

Существуют произведения искусства, в которых пафос эпохи воплощен с такой силой и глубиной, что они как бы неотделимы от страниц истории. Таковы многие карикатуры и плакаты, опубликованные в газете «Правда». Один из виднейших правдистов, Емельян Ярославский, писал: «Нередко на первой же странице наших серьезных политических органов — «Правды» и «Известий ЦИК» — политическая карикатура конкурирует с передовой статьей».

Эти слова можно отнести к лучшим работам художников В. Н. Дени и Д. С. Моора. Их рисунки — документы эпохи, в них отражены значительные события внутренней и международной жизни Советского государства, начиная с первых лет революции и до разгрома фашистской Германии. Дени и Моор гневно разоблачали антисоветские махинации буржуазных заправил, показывали ханжество и лицемерие зарубежных политиканов, клеймили гневом и презрением «социал-предателей», оппортунистов в рабочем движении. Достаточно вспомнить альбом Дени «Лицо международного меньшевизма» и сборник Моора «Кто они такие?» (капиталистический мир в 100 политических портретах). Это итог их выступлений в периодической печати. В тревожные годы Отечественной войны оба мастера отдали свой талант, свою неистощимую энергию борьбе за победу Родины.

Более тридцати лет сотрудничают в «Правде» три художника — М. В. Куприянов, П. Н. Крылов и Н. А. Соколов. Их подпись — Кукрыниксы — широко известна и у нас и за рубежом. В начале своего творческого пути художники выступали в основном с литературными пародиями и шаржами, а затем, по совету М. Горького, отдали свой карандаш политической сатире. Наиболее ярко их талант проявился в годы войны. Многие карикатуры Кукрыниксов, опубликованные в «Правде», можно было встретить на дорогах войны. В частях Советской Армии они перерисовывались на огромные плакаты и устанавливались ночью над окопами, а утром немцы в бессильной злобе обстреливали их. Нередко антифашистские карикатуры Кукрыниксов служили пропуском для немецких солдат, сдававшихся в плен.

Один из журналов, издававшийся фашистами, опубликовал «опровержение» на карикатуры Кукрыниксов. Дело происходило в 1943 году. На рисунке — Гитлер, а перед ним навытяжку стоит скелет — один из генералов — и дружески приветствует фюрера. Журнал, «опровергая» карикатуру, поместил рядом фото Гитлера и маршала Роммеля...

Произведения последних лет свидетельствуют, что и сейчас Кукрыниксы в расцвете творческих сил. Они всегда готовы защищать своим искусством мир, разить оружием сатиры поджигателей войны.

Хочется назвать и другие имена мастеров карикатуры: К. П. Ротова, Ю. А. Ганфа, И. М. Семенова, Бор. Ефимова, М. А. Абрамова. Работы этих художников в «Правде» — грозное, разящее оружие советской печати.

В. МОРОЗОВА

КАПИТАЛ: — Вот деревцо, приносящее сладкие плоды.
Рисунок Д. Моора. 1929 год.

Рисунок Дени. 1923 год.

Предполагаемый дележ.
— Остальное вам, господа!
Рисунок К. Ротова. 1930 год.

ИСТОРИЯ В МИНИАТЮРАХ

50-летие газеты «Правда» отмечено тремя юбилейными почтовыми марками. На одной из них воспроизведена фотография П. А. Оцупа: Владимир Ильич Ленин за чтением «Правды». В углу — факсимиле Ильича. Две другие марки отражают историю «Правды». На фоне первого номера большевистской газеты «Правда» мы видим Ленина, произносящего с броневика речь в апреле 1917 года. Венчает серию марка с изображением торжественного занавеса Кремлевского Дворца съездов и номера «Правды» с Программой КПСС. Первая марка оформлена художником Е. И. Комаровым, автор двух других — художник Н. Н. Захаржевский.

М. МИЛЬКИН

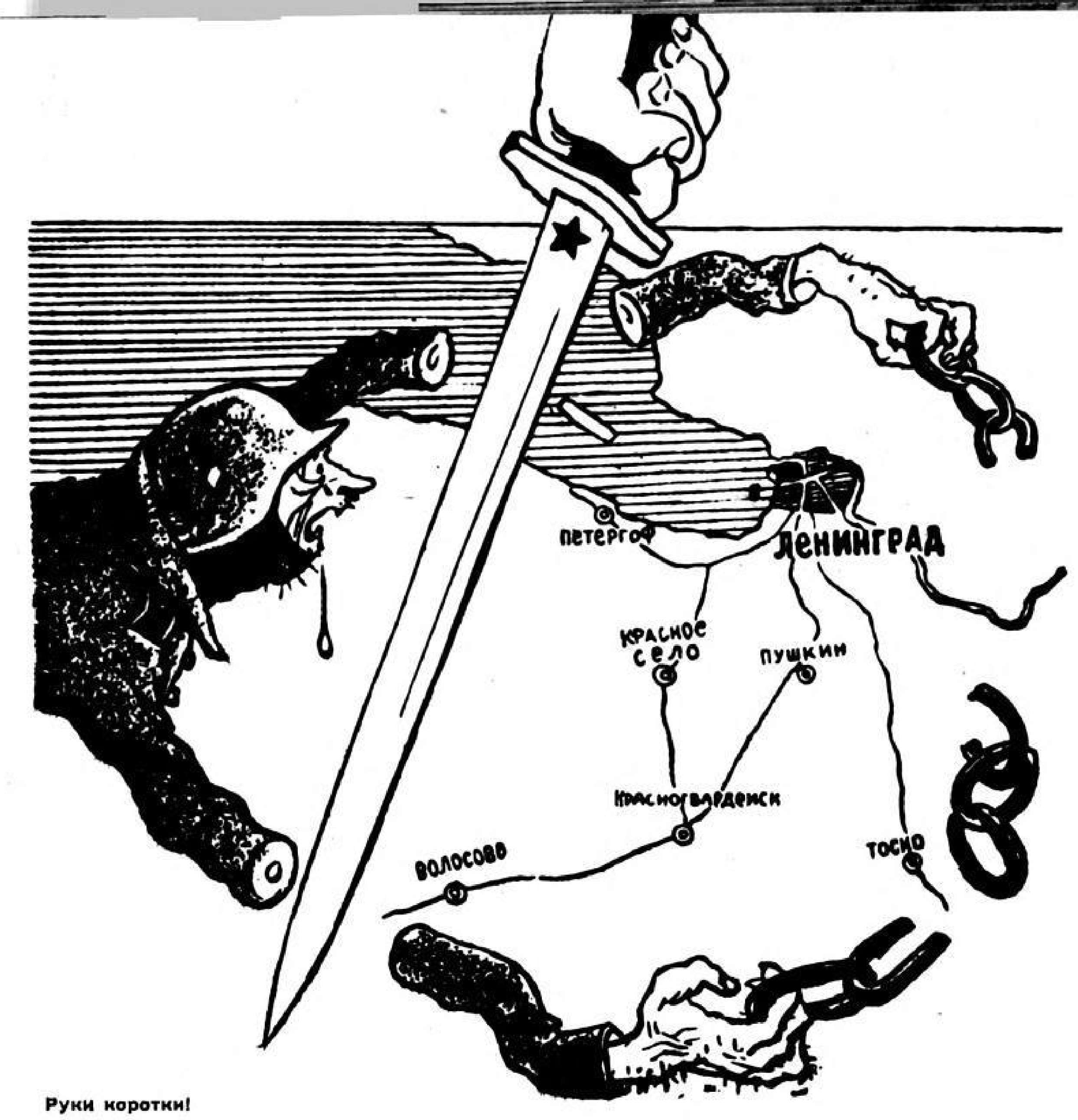

«Марксизм» Карла Каутского.
Рисунок Дени. 1925 год.

Строительство в Германии.

Новый купол над рейхстагом.
Рисунок Дени. 1930 год.

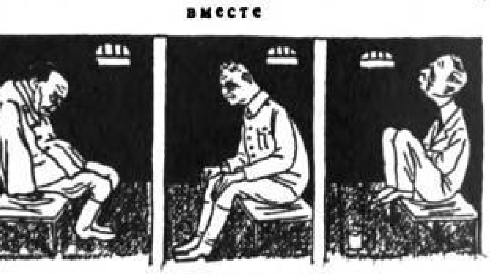
Руки коротки!
Рисунок Кукрыниксы. 1944 год.

Выплата дивидендов. (На заседании акционеров военных предприятий.)
Рисунок Ю. Ганфа. 1939 год.

Под сенью доллара.
Снова Крупп...
Рисунок Кукрыниксы. 1953 год.

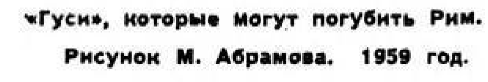
вместе

в одиночке

Допланировались.
Рисунок Кукрыниксы. 1945 год.

Силы мира неодолимы!
Рисунок Кукрыниксы. 1955 год.

«Гуси», которые могут погубить Рим.
Рисунок М. Абрамова. 1959 год.

Под опасной защитой.
Рисунок Кукрыниксы. 1962 год

Цена номера 30 коп